

Римские каникулы

Автор:

Олег Рой

Римские каникулы

Олег Юрьевич Рой

Мать Риммы растила ее без отца, и, как это нередко случается в неполных семьях, между ними сразу возникла особенно сильная привязанность. Долгие годы дочь жила, руководствуясь мамиными устремлениями, одним из которых было найти мужа-итальянца и уехать с ним жить за границу. Даже после маминой смерти девушка продолжала мечтать об Италии, и вот подарок судьбы – она едет в Рим с мужчиной, которым увлечена. Но могут ли принести счастье чужие желания и навязанные кем-то мечты? И что Римме действительно нужно, чтобы быть счастливой?

Олег Рой

Римские каникулы

© Резепкин О., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Олег Рой – культовый современный писатель, продюсер и сценарист. Его книги читают по всему миру. Секрет успеха автора в динамичных сюжетах, полных неожиданных поворотов, в глубоком психологизме и внимании к человеческой личности.

Глава 1

«Сказки об Италии»

– ...ей, к тому же он просто крышесносный красавчик!

Эти слова донеслись до Риммы в тот момент, когда она проходила через зону ресепшен и краем глаза заметила, что у стойки собралась целая толпа девушек из разных отделов. Судя по необычному оживлению, блестящим глазам и возбужденным голосам, обсуждалось нечто особенное, но Римма не стала прислушиваться. Если это что-то важное, то рано или поздно она все равно узнает, о чем шла речь, а если нет, то и не стоит тратить время на пустяки. От обеденного перерыва остается еще четверть часа, как раз можно успеть заглянуть к соседям-айтишникам в зимний сад, где расцвела лиана с каким-то непроизносимым названием, и сделать несколько снимков.

Сотрудникам соседской фирмы, занимавшейся разработкой видеоигр, Римма в глубине души завидовала. Везет же людям: никакого тебе дресс-кода, и парни, и девушки ходят в футболках, узких джинсах и расшнурованных кедах, с разноцветными дредами и татуировками на всех возможных и невозможных местах, в ушах вечно яркие пуговицы наушников. У них собственный зимний сад, да и сам офис – огромное пустое пространство, ничто не стесняет и не закрывает панорамных окон с прекрасным видом на Москву-реку. Ребята работают, устроившись, как кому удобно, покачиваясь в развешанных повсюду разноцветных гамаках или развалившись в креслах-мешках и пристроив ноутбуки себе на колени или на животы. И рабочий день у них не нормирован, распоряжаются временем, как сами считают нужным, многие являются чуть ли не к обеду, правда, и уходят глубоко за полночь. Ну просто воплощенная мечта. В компании, где трудилась Римма, все было совершенно по-другому, куда более строго и традиционно. И не то чтобы это не устраивало, нет, в общем и целом она была довольна своей работой. Но иногда хотелось чего-то особенного, чего-

то более интересного и творческого, вот как у соседей. Или хотя бы не столь монотонного и предсказуемого, как вечные экселевские столбцы цифр на экране монитора.

Зайдя за стеклянную дверь и сразу погрузившись во влажную духоту зимнего сада, Римма миновала болтливый фонтанчик и прошла по дорожке из искусственного камня между растений, пышно зеленеющих круглый год под светом тщательно спрятанных ламп. Даже сейчас, в январе, здесь повсюду что-то цвело. Кадка с лианой стояла у самого окна, огромного, во всю стену, и Римма в который уж раз за время работы в башне делового центра Москва-Сити порадовалась, что не боится высоты. Не каждый может таким похвастаться, она лично знала людей, которым становилось не по себе от одной только мысли, что офис находится на пятьдесят шестом этаже.

Обойдя лиану со всех сторон, Римма сделала десятка полтора снимков: вьющиеся по причудливой решетке усыпанные пышными соцветиями стебли, крупным планом гроздь ярких, точно фарфоровых, белых с красной серединкой «звездочек» и, конечно же, несколько селфи на столь выигрышном фоне – в разных позах и ракурсах, чтобы потом выбрать наиболее интересные и выложить в соцсеть.

От цветов исходил тяжелый и сладкий дурманящий аромат, чем-то напоминавший запах маминых духов. Вспомнив о маме, Римма привычно вздохнула. Видела бы та сейчас свою девочку! Вот в этом самом костюме из тонкой английской шерсти, в двухсотдолларовых туфлях на каждый день, с айфоном последней модели в руках. Как бы мама гордилась ею, как бы радовалась! Пусть Людмила Сергеевна и не говорила этого открытым текстом, но все-таки была убеждена, что ее дочь достойна всего самого лучшего. И работа в московском представительстве итальянской компании в их с мамой системе ценностей уж точно относилась к категории лучшего – но только как промежуточный этап, как очередная ступенька к достижению цели.

Еще со школьной скамьи мама, тогда, конечно, никакая не Людмила Сергеевна, а просто Люда, бредила Италией, день и ночь грезилась о поездке на Апеннинский полуостров, изучала язык Данте и Петрарки по взятому в районной библиотеке самоучителю и мечтала стать переводчиком. Однако ее родители, люди приземленные и практичные, сочли, что переводчик – это профессия несерьезная, и настояли на поступлении дочери в технический вуз. И Люда, пусть и крайне неохотно, но подчинилась. В первый же год работы на заводе,

где оказалась после окончания института, она встретила своего будущего мужа и отца Риммы. Как и Людмила, Виктор был начинающим инженером, как и ей, ему нравилось танцевать под сладкоголосую итальянскую эстраду и смотреть фильмы с Адриано Челентано. Этого молодым людям показалось вполне достаточно, чтобы решить, что они любят друг друга, и подать заявление в ЗАГС.

Увы, молодожены слишком скоро поняли, что супружество – это не только совместное посещение видеосалонов и вечеринки с танцами под «Бай-бай-бай-бай-бай». Не прошло и года после свадьбы, как начались взаимные упреки, обиды, семейные ссоры, число которых стало расти в геометрической прогрессии. Особенно трудно стало, когда родилась дочка, и ее появление совпало с началом эпохи 90-х, впоследствии ставшей притчей во языцех даже для тех, кого тогда еще не было на свете. Завод закрылся, оба молодых родителя потеряли работу, а Виктор к тому же начал тяготиться семейной жизнью, загулял и в итоге отбыл в неизвестном направлении, предоставив Люде самой справляться как со всеми хлопотами о разводе, так и с заботой о дочке. Римма своего отца не успела не то что полюбить, но даже толком узнать – ведь, когда Виктор исчез из их с мамой жизни, ей не было еще и полутора лет. И, как это нередко случается в неполных семьях, между матерью и дочерью сразу возникла особенно сильная привязанность.

Им повезло – значительных материальных трудностей семья не испытывала благодаря бабушке, тогда еще не старой и весьма предприимчивой женщине. Та быстро сумела сориентироваться в новых реалиях, окончила какие-то курсы и благодаря нужным знакомствам устроилась в подразделение одного из первых открывшихся в России холдингов главным бухгалтером. Специальность непростая, тем более по тем временам, да и опасная, поскольку предполагает материальную ответственность – но зато бабушкиной зарплаты вполне хватало на то, чтобы прокормить и одеть всю семью: и дочку, и внуку. Люда, в отличие от нее, так и не сумела приспособиться к новой жизни. Теоретически, даже с ее далеко не идеальным знанием итальянского языка вполне можно было бы найти работу в какой-нибудь международной компании или совместном предприятии, которых в то время в России создавалось более чем достаточно. Но Людмила Сергеевна оказалась слишком для этого застенчивой, слишком скромной и неуверенной в себе. На всю жизнь она так и осталась мечтательницей, смутно представляющей, что творится за хрупкими границами любовно оберегаемого ею идеально-романтического мира, который она сама создала сначала для себя, а потом, точно делая нечто само собой разумеющееся, поселила в нем и свою дочку.

В то время, когда росла Римма, в большинстве отечественных семей родители работали, а внуками, если те не ходили в детский сад, занимались бабушки и дедушки. Но в семье Сотниковых все было наоборот. Пока бабушка с раннего утра до глубокой ночи пропадала у себя на фирме, Римма оставалась с мамой, которая работала дома на полставки, чтобы как можно больше времени проводить с ребенком. Благодаря занятиям с мамой Римма уже в четыре года умела читать и считать, а в пять писала печатными буквами и успешно справлялась с задачками на все четыре арифметических действия. Людмила не жалела ни сил, ни времени, чтобы развивать способности дочурки. Так, заметив, что Римме нравится рисовать, она тут же записала ее в художественную школу. Но все-таки при этом самым значимым моментом оставался итальянский язык. Отказывая во всем себе самой, мама, тем не менее, находила деньги на оплату «лучшего педагога» – эффектной, как кинозвезда, хотя уже и немолодой дамы, сотрудницы кафедры романского языкознания филфака МГУ. Римма начала заниматься с ней итальянским языком с шести лет и к старшим классам уже владела им совершенно свободно, не хуже, а даже лучше, чем английским, по которому тоже была одной из лучших в своей спецшколе.

Неудивительно, что, будучи сильно привязанной к маме, Римма с раннего детства воспринимала ее романтические грезы как свои собственные. Как и мама, она бредила Италией, зачитывалась книгами о ней и знала чуть ли не наизусть все любимые мамины фильмы. Ей они тоже нравились, за исключением, может быть, только одного – «Римских каникул», красивой, даже несмотря на черно-белую пленку, голливудской сказки середины прошлого столетия. Вместе с мамой Римма с удовольствием любовалась видами итальянской столицы и сопереживала приключениям героев, которые случайно встретились в Вечном городе и полюбили друг друга с первого взгляда. Но когда доходило до финала, Римма всегда прекращала смотреть на экран и убегала из комнаты. Ей было так жаль влюбленных, которым все-таки пришлось расстаться, что в детстве она даже плакала от подобной несправедливости. Ну почему, почему нельзя было сделать так, чтобы мужественный журналист и очаровательная принцесса Анна поженились, и все у них было бы хорошо?! И тогда мама утешала дочку, которую тоже часто называла принцессой, обнимала, прижимала к себе и, глядя по волосам, рассказывала, что ее, Риммы, жизнь обязательно сложится совсем по-другому, гораздо лучше, чем у персонажей фильма. Как и принцесса Анна, она встретит свою любовь в прекрасном европейском городе, но, в отличие от героини Одри Хепбёрн, обязательно выйдет замуж за своего избранника и проживет с ним долгую, счастливую жизнь. И дочка ни секунды не сомневалась, что именно так всё и будет. Ведь она создана для того, чтобы жить в обожании и

роскоши где-нибудь во дворце, а никак не в панельной шестнадцатietàжке.

Сначала Людмила Сергеевна хотела, чтобы дочь стала художником, реставратором или хотя бы специалистом по итальянскому искусству, но из этой задумки ничего не вышло. Во время учебы в художественной школе Римма поняла, что академический рисунок и вообще живопись – это совсем не ее призвание, ей гораздо больше нравилась фотография. Тогда мама задумалась о другой профессии для дочери и в итоге остановила свой выбор на международной экономике. С возрастом, когда ее собственных родителей уже не стало, Людмила Сергеевна поняла, что они во многом были правы: действительно, переводчик – это не совсем удачный вариант, гораздо лучше иметь в комплекте со знанием языков еще и какую-то более практичную специальность. И Римма, приняв мамино решение, как нечто само собой разумеющееся, приналегла в старших классах на математику и другие важные предметы, получила высокие баллы по ЕГЭ и успешно поступила в хороший университет.

Принято считать, что студенческие годы – самое лучшее, интересное и веселое время в жизни. И многие молодые люди воспринимают эти слова слишком уж буквально, стараясь все пять лет отрываться на полную катушку, ни о чем не думая и не заботясь. Римма Сотникова очень гордилась тем, что она не такая. Не то чтобы она была ботаншей или занудой, для которой в мире не существует ничего, кроме зубрежки, конечно же, нет! Она, как и все, любила потусоваться, ходила на вечеринки, в клубы и прочие интересные места, влюблялась и бегала на свидания, – но все равно всегда помнила, что учеба должна быть на первом месте, и сдавала все до единой сессии не то что без хвостов, но даже без троек.

Уже на последнем курсе бакалавриата они с мамой начали подыскивать будущее место работы. Мечтали, конечно, о стажировке в Европе, а в идеале – сразу и о работе в какой-нибудь из благополучных стран, но с этим оказалось крайне сложно, специалистов в области экономики, и начинающих, и опытных, на Западе хватало и без Риммы. Вариант с учебой в Европе тоже, увы, не годился – слишком дорого. Пришлось смириться с мыслью, что первая работа Риммы пока будет здесь, в России. Мама с дочкой приложили все усилия, нашли подходящих, еще бабушкиных, знакомых и благодаря этому почти сразу же после магистратуры Римма устроилась в представительство солидной итальянской фирмы с офисом в одной из башен Москва-Сити. Фирма торговала по всей России мебелью и комплектующими, и, благоговейно листая увесистые глянцевые каталоги, Людмила Сергеевна как замороженная слушала рассказы дочери о

первых впечатлениях от новой работы и мечтала, что скоро ее ненаглядная принцесса будет ездить в командировки в Италию. Римма в ответ заверяла ее, что даже если с командировками и не получится (все-таки сотрудников финансово-экономического отдела не так уж часто отправляют в командировки), то все равно не за горами тот день, когда она будет зарабатывать достаточно, чтобы отправиться в туристическое путешествие по Европе. И конечно же, обязательно возьмет с собой маму.

Упорство и деловые качества молодой сотрудницы не остались незамеченными. Римма быстро продвигалась по службе и уже через два года получила должность старшего экономиста-аналитика. Как и планировала, стала неплохо зарабатывать, и у нее, наконец, появилась возможность исполнить мамину мечту о поездке в Италию. Услышав такую новость, Людмила Сергеевна в первый момент даже не нашла слов, только всплеснула руками и посмотрела на дочку с нескрываемым обожанием. Римма очень гордилась собой: наконец-то и она сможет что-то сделать для мамы. Придирчиво рассмотрев с десяток турфирм, тщательно выбрала экскурсионный тур для двоих – потрясающий и даже фееричный. За четырнадцать дней им предстояло побывать в Милане, Вероне, Флоренции и Венеции, посетить Неаполь и Помпеи, проехать через все Амальфитанское побережье и вернуться в центр страны, где коронным номером путешествия значился Рим. На него было отведено целых четыре дня – вполне достаточно для первого (но, конечно же, далеко не последнего) знакомства с Великим городом.

Ожидание поездки наполнило их жизнь бесконечным счастьем. Все вечера и выходные напролет мама с дочкой просиживали в интернете, придирчиво выбирая, обсуждая и составляя списки, какие места и достопримечательности обязательно надо увидеть, а какими, к великому сожалению, придется пожертвовать, отложив до следующего раза, какую еду обязательно надо попробовать, что и где купить, чтобы привезти домой в качестве сувенира. Людмила Сергеевна словно помолодела на десять лет, ее глаза так и светились, а походка стала легкой, почти невесомой. Дочка полностью разделяла ее радость и даже подумать не могла, что беда уже притаилась за поворотом, и до нее остались считанные дни.

За пять дней до отъезда Людмила Сергеевна внезапно заболела гриппом и уже не поправилась, умерла от нелепейших осложнений. Врачи только и смогли, что растерянно развести руками: грипп, безусловно, коварен, но чтобы так... совершенно здоровая женщина в расцвете лет... Один случай на сотни...

Разговаривая с ними, Римма кивала, слышала и вроде даже понимала смысл слов. И все-таки никак не могла не то что смириться, но даже просто поверить в происходящее. Просто не укладывалось в голове, как это так может быть, что мамы больше нет.

Похоронив маму, Римма словно окаменела. Внешне она продолжала жить своей обычной жизнью: ежедневно ездила на работу, дважды в неделю ходила в фитнес-клуб, а по вечерам возвращалась в их скромную двухкомнатную квартиру в Люблине и кормила маминого кота Плаксика (вообще-то по документам его звали Пласидо, но так его никто никогда не называл). Но из-под ног точно выбили почву, а внутри словно образовалась гигантская дыра. И неизвестно, что было бы с ней дальше, если бы не помощь друга и бывшего одноклассника Егора, к которому Римма давно уже относилась как к брату, если не родному, то двоюродному. Они дружили со старших классов, с тех пор как Егор неумело и застенчиво пытался ухаживать за ней. Римма тогда твердо дала понять, что на взаимность рассчитывать нечего, он совсем не в ее вкусе – невысокий, полноватый, совершенно неспортивного вида, да еще и в старомодных очках с толстенными линзами. Но Егор был умным, знающим, интересным собеседником, да и просто хорошим добрым человеком, и Римма не могла этого не оценить. Она предложила ему свою дружбу, которую он охотно принял, – и впоследствии не раз поблагодарила судьбу за это свое решение. Несмотря на внешность законченного ботана, Егор был прекрасно приспособлен к жизни и обладал практичностью и житейской смекалкой, которые развивались в нем с каждым годом. Именно он помог убитой горем и вконец растерявшейся Римме с организацией маминых похорон, а потом, едва минуло сорок дней, почти насильно затащил ее к знакомому психологу, приятной женщине средних лет с ясными синими глазами и мягким, точно шелковым голосом. Сеансы у психолога не только помогли смириться с потерей самого (если не единственного) близкого человека, но и понять, что потерянное состояние Риммы имеет и другие, скрытые более глубоко причины. Будучи взрослым двадцатилетним человеком, Римма все эти годы жила, руководствуясь не собственными, а навязанными извне целями и задачами. Вольно или невольно, желая одного лишь добра, мама сумела прибрать к рукам ее жизнь и руководила дочкой до самого последнего своего вздоха. И пусть Римма никогда не страдала от этого и толком даже не замечала, теперь ей предстояло выстроить свою жизнь заново, по собственному сценарию.

И в этом ей тоже помог Егор, начав с еще одного важного дела, с которым Римма сама ни за что бы не справилась. Через несколько месяцев после смерти Людмилы Сергеевны она окончательно поняла, что жизнь в их старой квартире

действует на нее угнетающе. Здесь все напоминало о маме, и воспоминания эти были отнюдь не радостны, но, несмотря ни на что, Римма никак не находила в себе сил избавиться от маминых вещей, это казалось ей чем-то сродни предательству. И тогда Егор подал идею переехать в другой район, поближе к работе, потому что ездить из Люблина на «Выставочную» далеко и неудобно. Не успела Римма как следует задуматься, как Егор уже привел знакомого риелтора, и все сразу же закрутилось и завертелось. Им очень повезло, покупатель нашелся быстро и согласился на заявленную цену, почти не торгуясь. Пока шли переговоры, Римма рассматривала варианты на замену и в итоге остановилась на уютной однушке в четверти часа пешком от «Пионерской». Новая квартира была меньше размером, чем их бестолковая угловая двушка, но зато с отличным видом на парк, с большой кухней и удобной планировкой. Вырученных от продажи денег хватило и на покупку, и на косметический ремонт – дом был не старый, и что-то более серьезное не потребовалось. С помощью все того же Егора, сумевшего совсем недорого организовать транспорт и грузчиков, Римма с котом Плаксиком перебрались в новое жилье. Переезд стал отличным поводом расстаться с большинством маминых вещей. Раздав их знакомым или отдав на благотворительность, она оставила себе только кое-что самое памятное, вроде диска с «Римскими каникулами».

Придя в себя после всех этих потрясений и окончательно обосновавшись на новом месте, Римма выдохнула... И вдруг обнаружила, что жизнь мало-помалу стала налаживаться. Римма была молода, привлекательна, имела собственное жилье и хорошую работу, дающую возможность неплохо себя обеспечивать. Как говорится, большего и желать нельзя, вот только...

Из задумчивости Римму вывел мелодичный голос, с ехидством произнесший за спиной:

– Так и знала, что найду тебя здесь! Конечно же, опять занята своим любимым делом – фоткаешь листики-цветочки.

Голос был настолько знакомым, что Римме совсем не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто с ней говорит. Ну конечно же, это Ульяна – закадычная подруга, самый близкий в офисе человек. В бежевом брючном костюме, облегающем изящную фигурку, с прямыми русыми волосами, спускающимися до осиной талии, Ульяна выглядела почти воздушным, во всяком случае, каким-то неземным существом. И, как знала Римма, прикладывала все усилия, чтобы максимально поддержать подобный имидж. Лучшим днем в жизни Ульяны стал

тот, когда одна из коллег, разговаривая с ней, выдала сгоряча: «Улька, какая ж ты вся идеальная, просто противно!» Наблюдавшая за этой сценой Римма сразу догадалась, что в этот момент ее подруга взлетела на седьмое небо от счастья. Но внешне Ульяна никак не проявила своих чувств и, даже не подняв глаз от бумажного цветка, который мастерила из салфетки в ожидании, пока официант принесет смузи из грейпфрута и сельдерея, равнодушно проговорила: «Я идеальная? Возможно... У меня лишь два недостатка – нет денег и свободного времени. Все остальное в полной гармонии».

Достижению этой самой вожаделенной внутренней гармонии Уля посвящала все свое время. Она уже успела посетить святые места Индии, прошла полный курс суфийских практик для женщин, входила в транс под шаманские барабаны и прослушала астрономическое число лекций о том, как обрести себя. Следить за сменой ее увлечений и интересов было все равно, что ловить глазами полет бабочки – сегодня занятия сукшма-вьямой, завтра чистка энергетически важных чакр по индивидуальной, разработанной наставником специально для нее, схеме, а на следующей неделе – тренинг у знаменитого на весь мир коуча по личностному росту.

У Риммы эта тяга подруги к непрерывному духовному преображению вызывала снисходительную улыбку. Она прекрасно понимала, что занимаясь бесконечным саморазвитием и изучая все духовные практики мира разом, Уля на самом деле просто пыталась сбежать от житейских проблем, которых у нее имелось в избытке. В свои тридцать лет Ульяна никогда не бывала замужем и одна растила дочь Вику, прелестную голубоглазую малышку шести лет от роду. На последнем курсе универа, будучи, по ее же собственным безжалостным словам, молодой, наивной и неопытной дурой, Уля сделала главную в своей жизни ошибку – влюбилась в красавца однокурсника. Тот обожал ее, сдувал пылинки и носил на руках – ровно до того момента, как Ульяна, случайно заглянув в его телефон, не обнаружила весьма интимную переписку с другой девушкой. Как оказалось, параллельный роман продолжался давно, и даже более того – был не единственным. Уля была вне себя, и никакие уверения, что она все равно самая лучшая, не помогли. «Знаешь, это такое чувство, будто тебе подали еду, в которую кто-то плюнул», – призналась она Римме в минуту откровенности. Не колеблясь ни минуты, Ульяна порвала со своим избранником и только спустя несколько недель после этого поняла, что беременна. Решение оставить ребенка далось не столь легко, но все-таки Уля его приняла и, как утверждала сама, «вот уж ни разу ни капельки об этом не пожалела». Даже несмотря на то, что беспутный отец Вики хоть и прекрасно знал о существовании дочки, но так никогда и не появился в ее жизни и не помог, как говорится, «ни морально, ни

материально». А устанавливать отцовство, требовать алиментов через суд и все такое прочее Уля считала ниже своего достоинства.

Из неудачного романа Ульяна сделала очень важный вывод: «Любовь приходит и уходит, а дети остаются, поэтому женщине всегда надо думать головой, а не фиг знает чем». Руководствуясь этим принципом, она и принялась строить свою дальнейшую жизненную философию. Ульяна с горячностью заверяла, что давным-давно выросла из любви, как из детской пижамки с зайчиками, и никто на свете ей не нужен – во всяком случае, когда речь идет о противоположном поле. Не проходило и нескольких дней, чтобы Уля не повторила во всеуслышание, что мужчины ее не интересуют, что она не только умна и красива, но и вполне самодостаточна, а ее сердце занято только тем, чем положено – эффективно перекачивает кровь, и все, никаких больше глупостей. Над Риммой, которая продолжала ждать своего заморского принца, вместо того, чтобы заниматься самосовершенствованием и достигать внутренней гармонии, Ульяна нещадно иронизировала и подшучивала. Но та не обижалась и всегда прощала подруге едкие подколки ради тех качеств, которые по-настоящему ценила в Уле – ее отзывчивости, готовности всегда выслушать и прийти на помощь и ее энергичности, уверенности и целеустремленности, которых, как чувствовала Римма, так не хватало ей самой.

– Ну что, нафотографировалась? – с усмешкой осведомилась Ульяна. – Покажи хоть, что наснимала.

– Потом, ладно? Когда сама посмотрю и подправлю, что нужно. – Римма терпеть не могла показывать кому-то необработанные снимки и потому быстро перевела разговор на другую тему:

– Слушай, а ты не в курсе, что там такое интересное девчонки обсуждали на ресепшене?

– Как это «что»? Хозяйского сынка, конечно, – фыркнула Ульяна, верная своему презрению ко всем существам мужского пола, не относящимся к касте просветленных.

– Какого еще хозяйского сынка?

– Да Матвея же! Ты что, Сотникова, с луны свалилась, что ли?

– Ну да, я правда не в теме, – призналась Римма. – Расскажешь?

– Ну, ты даешь! Такая новость, весь офис гудит, а ты... – начала было Уля, но тут у нее внезапно зазвонил телефон. Взглянув на экран, она сделала два глубоких вдоха, блаженно улыбнулась, прикрыла глаза и нежно пропела в микрофон что-то с явным азиатским окрасом:

– Намастэ, Чандраканта-баба!

В телефоне коротко прожурчало в ответ, после чего Ульяна перешла на английский:

– Очень рада вновь слышать ваш голос! Как добрались? Зима – трудное время для путешествий в наши края, лишь самые стойкие духом податели света навещают нас в это время...

Продолжение беседы Римма не слышала – Ульяна развернулась и, мелко семеня ногами, как будто что-то мешало ее обычно стремительной и легкой походке, устремилась куда-то вглубь зимнего сада.

«Ну все, опять будет месяц в сари бродить по квартире и бабу своего окучивать, – беззлобно усмехнулась Римма, провожая подругу насмешливым взглядом. – Надо же, «стойкие духом податели»... Чего только не придумают!»

Возвращаясь в свой офис, Римма не особенно удивилась, увидев коллег все так же столпившихся на том же месте, у стойки ресепшен. И там ее быстро и весьма охотно ввели в курс происходящих на фирме важных событий. Оказалось, что с понедельника на работу выходит сын одного из совладельцев – Матвей. Он недавно вернулся из очередной стажировки в Штатах, и теперь отец хочет поближе познакомить его с семейным бизнесом. Обсуждая подробности, девицы нешуточно горячились: говорят, этот самый Матвей – отпетый плейбой. Ему тридцать один год, и он не женат, хотя любая девушка была бы рада заполучить такого жениха.

– Да вот, сама посмотри! – секретарь развернула монитор в сторону Риммы.

Та с любопытством взглянула на экран, – конечно же, девчонки уже успели отыскать страничку этого самого Матвея в соцсети и теперь внимательно изучали подборку фотографий. Все они словно были взяты со страниц глянцевого журнала. Вот высокий темноволосый красавец в небрежно распахнутой белоснежной рубашке стоит за штурвалом на палубе яхты («Девчонки, вы только взгляните! Вот это пресс! Наверняка сутками из спортзала не вылезает!»). Вот он, облаченный в безупречно сидящий смокинг, ведет какую-то красотку по подозрительно знакомой красной ковровой дорожке. Вот замахивается клюшкой на зеленом газоне, вот пожимает руки многочисленным пиджакам, а вот крупный план: обаятельнейшая улыбка, ослепительно-голубые глаза лучатся светом, словно свежеполитированные сапфиры. И родинка на шее выглядит так мило и трогательно... А уши-то, уши – маленькие, изящные, как у...

– ...гиеновидной собаки, – прозвучал у них за спинами голос Ульяны.

Повисла неловкая тишина. Все возмущенно обернулись к Уле, а та только плечами пожала:

– А что? Мы с Викой в субботу видели такую в зоопарке. Ну точно! Один в один. Я давно заметила – все мужики чем-то похожи на обитателей зоопарка, – и, презрительно оглядев собравшихся, Ульяна направилась к своему рабочему месту. Римма последовала ее примеру, хотя в глубине души чувствовала, что с удовольствием еще задержалась бы у стойки и получше рассмотрела бы этого самого Матвея. Что греха таить – парень и впрямь показался ей симпатичным. Даже слишком. Интересно, а в жизни он тоже таков, как на фотках?

Глава 2

Скандинавская мечта. Несбывшаяся

До конца недели разговоры о сыне босса не прекращались ни на минуту. Вся женская половина коллектива нетерпением ожидала появления Матвея в офисе, и Римма совсем не была исключением. Всеобщий ажиотаж захватил ее настолько, что в четверг она даже увидела предмет всеобщего любопытства во сне, причем в самом что ни на есть романтическом сновидении. А мама,

помнится, часто повторяла, что сны с четверга на пятницу – вещие, и всегда сбываются...

Наконец, наступил понедельник. Римма пришла в офис чуть раньше обычного и, включив компьютер, принялась просматривать почту, время от времени бросая короткие взгляды поверх монитора в сторону холла у лифтов. Рабочее пространство в компании было организовано на современный манер, то есть эффектно и стильно, но не слишком удобно. Основной персонал сидел в общем зале, разделенном стеклянными стенками и разновысокими дизайнерскими перегородками пополам с современными стеллажами. Первое время в адрес создателей острых углов и наклонных ломаных плоскостей, на которых не удерживался ни один предмет, то и дело неслись проклятия разной степени злости, но постепенно люди привыкли и смирились. Руководство, конечно, имело отдельные кабинеты – они тянулись вдоль всего фасада, выходящего на юго-восток, откуда был самый лучший вид. Чтобы не вводить подчиненных в искушение постоянно глазеть, чем заняты высшие лица компании, эти самые кабинеты были полудемократично отделены от общего зала стенами из тонированного стекла.

При таком раскладе появление любого незнакомца просто не могло пройти незамеченным. А уж этого долгожданного гостя офисные девицы высматривали с самого утра.

Ровно в десять, как простой смертный, на горизонте появился Матвей. Едва он успел выйти из лифта и сделать несколько шагов по коридору, как воздух вокруг, казалось, так и наполнился женскими вздохами и тихими восклицаниями. Слухи не врани, и фотографии в интернете не преувеличивали. Матвей Фролов оказался просто неприлично красив. Стройный, высокий, великолепно сложенный, он шел по офису свободной походкой человека, знающего себе цену. Нарочитая небрежность стрижки явно была делом рук профессионала-стилиста, чьи усилия призваны лишь подчеркнуть естественную красоту волнистых темных волос, не принося ее в жертву унылой симметрии линий. На сыне босса был светло-серый костюм, рубашка в тон и вызывающе-элегантный шелковый галстук цвета «пармские фиалки». Римма понятия не имела, что это за цвет, но именно такое сравнение пришло ей на ум, когда она высмотрела это нежно-лиловое великолепие, исподтишка наблюдая за вошедшим.

Собрав богатый урожай оценивающих взглядов, Матвей скромным триумфатором прошел в дальнюю часть офиса и, легко взбежав по ступенькам на полуэтаж местных начальствующих небожителей, скрылся за дверью отцовского кабинета.

Сеанс массового гипноза подошел к концу: девушки выдохнули и попытались сосредоточиться на работе. Немалым усилием воли Римма тоже вернула себя с небес на землю и взялась за отчет маркетологов о положении дел у конкурентов, но очень быстро поняла, что сомнительные данные и косноязычные формулировки не вызывают у нее ничего, кроме желания отправить плоды усилий коллег в мусорную корзину. Где они взяли эти дикие цифры? И как можно до того бестолково писать, что каждую фразу требуется переводить на нормальный русский язык с их кошмарного профжаргона? А крайней будет она, если оставит все как есть – ведь шеф аналитиков получит сводный обзор данных, подписанный ею, а не безымянным ассистентом отдела маркетинга.

Провозившись с отчетом до самого обеда, раздраженная Римма отправилась на перерыв, а когда вернулась, глазам своим не поверила: на расстоянии каких-то пяти метров, прямо напротив ее стола, в малой переговорной, сидел и шуршал бумагами утренний красавчик. Он, похоже, был настолько занят, что даже не поднял головы, когда Римма прошла мимо разделявшей их стеклянной стены и уселась на свое рабочее место.

Воспользовавшись увлеченностью Матвея, Римма вновь принялась беззастенчиво его изучать. Вблизи и живьем он показался ей еще симпатичнее, чем во время утреннего прохода по офису или на фотографиях из интернета. И к тому же у него обнаружилась довольно милая привычка коротким жестом руки отбрасывать волосы со лба назад, когда он сосредоточенно читал что-то с экрана монитора.

Новости в офисах разносятся еще быстрее, чем в деревнях, так что вскоре странному месту дислокации хозяйского сына нашлось объяснение. Как оказалось, Матвей остался недоволен интерьером в подготовленном для него кабинете и, пока срочно вызванный дизайнер подготовит новый проект, а рабочие воплотят его в жизнь, будет сидеть здесь, в малой переговорной.

Римма только усмехнулась, глядя, как оживились ее коллеги справа и слева. Определенно, производительность труда в этой части офиса в ближайшую неделю сильно упадет.

До конца дня она прилежно терзала несчастный отчет, время от времени – исключительно чтобы дать отдых глазам – бросая короткие взгляды на прохаживавшегося по переговорной Матвея. Тот оказался явно не любителем неподвижно высидеть за столом: часто вставал, подходил к окну в дальней части комнаты и смотрел на сияющий огнями город. Иногда его вызывал к себе отец, и, вернувшись от него в очередной раз, Матвей улыбнулся и вежливо кивнул девушкам-аналитикам, сидевшим напротив его временного пристанища, раз уж те все равно как по команде дружно подняли на него глаза. Римме на миг показалось, что в этот момент он смотрел именно на нее, и она подумала, что лицо этого обладателя резко очерченных губ (патрицианских, как называл такую форму ее педагог в художественной школе), точеного профиля и роскошных кудрей напоминает Давида работы Микеланджело, чья статуя с незапамятных времен украшала флорентийскую площадь Синьории. Она тут же низко склонилась к клавиатуре, чтобы скрыть нервный смешок – вспомнила, что из одежды на мраморном Давиде была только плетеная лента пращи, небрежно закинута на плечо.

Ничего себе ассоциации в первый совместный рабочий день! До чего же воображение разыгралось...

Приложив недюжинное волевое усилие, Римма все-таки заставила себя вернуться к работе и не смотреть, куда не надо. Да, парень красив, и что с того? Какое это имеет к ней отношение? Внешность хозяйского сынка – это совсем не ее дело, ее дело – вот этот проклятый косноязычный отчет. Однако сознание упрямо отказывалось сосредотачиваться на цифрах, в голову лезли совсем другие мысли. В частности, те, что со времен Олафа у нее так больше и не было нормальных отношений, потому что несколько неудачных свиданий явно не в счет.

С Олафом вообще вышла весьма грустная история. И до сих пор, хотя прошло уже немало времени, в груди начинало ощутимо саднить, стоило лишь вспомнить об этом.

В тот год, когда Римма с отличием окончила магистратуру, ей исполнилось двадцать четыре – самый подходящий для замужества возраст, во всяком случае, по мнению, Людмилы Сергеевны. Сама Римма на эту тему в то время пока не задумывалась, все ее мысли были заняты поиском работы. Но мама считала, что нужно одновременно двигаться по всем направлениям, и, раз дочка

с головой увязла в трудоустройстве, ей требуется помощь. Как же иначе Римма сможет устроить свою жизнь наилучшим образом? А в том, что ее дочка, ее принцесса, достойна только самого лучшего, Людмила Сергеевна никогда не сомневалась. «Ты у меня настоящая русская красавица», – постоянно твердила мама, радуясь тому, что Римма внешностью пошла не в нее, миниатюрную и, как она сама говорила, «довольно невзрачную серую мышку», а в бабушку, ту самую, главного бухгалтера, – высокую и статную блондинку, чьи аппетитные формы в молодости привлекали целую толпу поклонников.

Дождавшись, когда вопрос с работой наконец-то решился, и, продолжая воплощать в жизнь планы относительно блестящего будущего дочери, Людмила Сергеевна стала настойчиво предлагать Римме заняться поиском подходящих для брака кандидатур. Римма долго отшучивалась и считала, что мама говорит несерьезно, но когда та подарила ей на день рождения оплаченный сертификат на годовое обслуживание в международном брачном агентстве, поняла, что тут не до шуток. Сама Римма, начитавшись в интернете драматических историй и наслушавшись рассказов подруг, с большим предубеждением относилась к таким вот международным знакомствам. Как-то раз ее однокурсница решила воспользоваться бесплатным сайтом подобного направления и в первый же день после размещения своей анкеты получила столько двусмысленных и даже просто оскорбительных откликов, особенно от жителей стран жаркого юга, что навсегда потеряла охоту связываться с чем-то подобным. Но Людмила Сергеевна не принимала подобных аргументов, она не сомневалась, что интернет – это одно, а солидное агентство оф-лайн – совсем другое. Так что спорить было бесполезно, и Римма, как послушная дочь, поехала на другой конец Москвы в офис агентства и потратила там полдня, отрабатывая мамин подарок. Пришлось заполнить огромную анкету, с виду сильно смахивавшую на квартальный биржевой отчет: она тоже сплошь состояла из рубрик, подразбук, клеточек для расстановки плюсов и минусов и строк для вписывания более развернутых ответов на вопросы. Анкета включала две огромные части – в первой нужно было рассказать о себе во всех подробностях, включая кота Плаксика, любимую еду и отношение к религии, а во второй – столь же подробно описать пожелания к будущим кандидатам в мужья. Провозившись с заполнением чуть ли не два часа, Римма перечитала написанное и поняла, что под ее требования с большой натяжкой подойдет разве что какой-нибудь отпрыск европейской монаршей семьи, да и то лишь в том случае, если как следует поработает над собой.

Что ж, пусть будет так. На меньшее она и не согласна.

Потом еще пришлось провести целую фотосессию: привезенные с собой тщательно отобранные фотографии расфуфыренная менеджер (или правильно было бы назвать ее свахой?) с негодованием отвергла, едва глянув на них. Наконец, все было готово и, тихо проклиная про себя мамину инициативу, Римма смогла, наконец, уехать домой.

Отчитавшись перед окрыленной надеждами Людмилой Сергеевной, она попыталась было выкинуть эту затею из головы, но уже через несколько дней на электронную почту стали приходить предложения о знакомствах. Недоверчиво просматривая первые анкеты, Римма была приятно удивлена: все они, как на подбор, выглядели заманчивыми и интересными. С фотографий смотрели привлекательные молодые люди, которые казались симпатичными не только внешне, но и по человеческим качествам. Похоже, мама и тут права – агентство отлично знало свое дело и готово было отработать подарочный сертификат на все сто.

Читая сопроводительные письма, Римма решительно не находила, к чему бы придраться: все кандидаты были образованны, самостоятельны, без обременений в виде бывших жен и детей, имели движимость и недвижимость в достаточном количестве, чтобы не заподозрить их в желании пожить за счет только что окончившей университет молодой москвички на старте карьеры.

Проштудировав с десяток анкет, Римма, к удивлению и явному неудовольствию мамы (та ведь твердо рассчитывала на зятя-итальянца!), остановила свой выбор на тридцатипятилетнем шведе по имени Олаф. Он работал инженером на предприятии по переработке древесины, имел красивый и уютный собственный дом, занимался спортом, вел здоровый образ жизни и тоже, как и она, был страстным фотографом-любителем. Написав ему, Римма почти сразу же получила ответ, в котором Олаф сдержанно и тактично восхищался ее внешностью и знанием английского языка.

Завязалась теплая дружеская переписка. Несколько месяцев они общались по электронной почте, обмениваясь собственноручно сделанными фотографиями и болтая обо всем на свете: о погоде, работе, хобби, о любимых фильмах и книгах. За это время Римма полностью втянулась в почти ежедневный обмен записочками и длинными письмами и поняла, что не прочь познакомиться с Олафом поближе. Идея превратить виртуальное знакомство в реальное исходила от Олафа, и Римме такой подход показался вполне разумным. Когда наступила весна, они дважды встретились в выходные на нейтральной

территории – в Санкт-Петербурге. Римма приехала на утреннем субботнем «Сапсане», а Олаф встретил ее на Московском вокзале (он сам прилетел еще в пятницу вечером). Была середина апреля, и Петербург, в отличие от Москвы, едва-едва начал просыпаться от зимней спячки. Но снега в центре уже не осталось, погода тоже не подвела – пасмурное серое небо за два дня так и не разразилось дождем, – и они чудесно провели время, гуляя по городу и фотографируя.

Олаф выглядел, как хрестоматийный скандинав: высокий, широкоплечий, с большими ручищами, со светло-серыми, словно прозрачными, глазами. Довершал образ могучего северянина белоснежный шерстяной свитер крупной домашней вязки, выглядывавший из-под куртки-ветровки. Но, несмотря на такую брутальную внешность, в общении он был мил и внимателен, не напыщен, смешно шутил и с видимым интересом слушал все, что рассказывала ему Римма.

В первую встречу, когда они еще только присматривались друг к другу, программа вышла довольно стандартной: прогулка по Невскому до Эрмитажа, билеты в который практичный Олаф купил по интернету заранее, обед в панорамном ресторане с видом на Исаакиевский собор и вечер в джаз-клубе. На следующий день Олаф хотел съездить в Выборг, его семью что-то связывало с этим городом еще до большевистского переворота, но Римма не рассчитала время, добираясь от гостиницы на Финляндский вокзал, и они опоздали на поезд. Следующая электричка была только через несколько часов, и поездку пришлось отменить, поэтому они целый день просто гуляли по Питеру, вновь разговаривали и фотографировали, фотографировали и разговаривали. Олаф был обаятелен и вежлив, с ухаживаниями не напирал, и домой в Москву Римма уехала совсем окрыленная новым знакомством.

Вернувшись, она простодушно рассказала маме об Олафе, не скрывая, что тот ей очень понравился. Людмила Сергеевна старалась не показывать своего недовольствия, но по-прежнему не была готова расстаться с идеей, что ее дочь выйдет замуж за итальянца. Она стала предпринимать довольно неуклюжие попытки «открыть глаза» Римме на «этих сомнительных северян»: подсовывала детективы и триллеры про маньяков-убийц, зачитывала вслух и порывалась вместе обсудить статьи про статистику алкоголизма, самоубийств и депрессивных расстройств в Скандинавских странах. Римма только посмеивалась про себя и мягко переводила разговор на другие темы, чтобы не обижать маму. Она всерьез увлеклась Олафом, и он тоже демонстрировал неподдельный интерес к ней.

Второй раз они встретились через месяц, и снова в Санкт-Петербурге. Значительно потеплело, буйно цвели яблони и вишни, распускалась сирень, тюльпаны, высаженные на клумбах стрелки Васильевского острова, складывались в прихотливые красно-розово-желтые узоры и так и просились в объектив. Белые ночи и разведенные мосты над Невой совсем вскружили Римме голову. Стоя на пляже Петропавловской крепости и любуясь тонким абрисом роскошных особняков на Дворцовой набережной напротив, она куталась в тот самый белоснежный свитер, заботливо накинутый ей на плечи, и чувствовала, что настало время для волнующих перемен. Вернувшись домой, Римма мысленно уже начала готовиться к переезду в Европу и записалась на курсы автовождения. В России водительские права ей не были особенно нужны, на покупку машины Римма пока не заработала – но жизнь за границей без автомобиля казалась невозможной.

Чтобы их встречи не приобрели монотонность, Олаф пригласил ее приехать в июне к нему в Швецию в гости. Он сам купил билеты в мини-круиз по Балтийскому морю, и Римма, внутренне обмирая душой, вновь приехала в Санкт-Петербург, чтобы отправиться в свое первое в жизни заграничное путешествие вместе с мужчиной, в которого уже была влюблена.

Олаф жил в собственном доме, в небольшом городке Эскильстуна в сотне километров от Стокгольма, куда их сначала привез паром, и где они провели первые три дня, чтобы Римма познакомилась со шведской столицей и пополнила свою богатую фотоколлекцию новыми снимками. Город живо напомнил Римме Санкт-Петербург: много холодной серой воды и низкого неба, тонкие шпили, массивные купола и бесконечные гранитные набережные. Эскильстуна оказалась куда как живее и проще; в этом тихом, зеленом, очень спокойном и дружелюбном городке ей понравилось все. С погодой в целом повезло, и они целыми днями гуляли в городе и по окрестностям. Помимо фотографии, у Олафа были типично скандинавские увлечения: он рыбачил, плавал на каноэ по озерам и состоял в местном аэроклубе – летал на собственном планере. О своих интересах он не только рассказывал Римме, но и старательно их демонстрировал. Они посетили летний ангар, где расхрабившаяся Римма забралась в крохотную кабину длиннокрылого самолетика-игрушки и в награду за смелость получила несколько отличных снимков и собственных фото для соцсетей; побывали и на базе проката каноэ на местном озере, и на выставке снаряжения для рыбной ловли. Тратить время на разглядывание мормышек и спиннингов Римме не особо хотелось, но она не жаловалась: все равно день выдался ветреный и дождливый, а в выставочном павильоне было тепло и сухо.

С такой же основательностью Олаф знакомил ее с устройством собственного дома: вот газовый котел в подвале, вот такая кухонная техника, вот сякая, вот оборудованный по последним стандартам новенький домашний кинотеатр. Римме подобная педантичность казалась непривычной, но она списывала ее на особенности местного менталитета – ну, швед же, что с него взять? Зато сам факт подробных объяснений был весьма приятен, ведь он говорил о том, что Олаф хочет, чтобы она поселилась здесь, что он видит в ней будущую хозяйку этого дома.

С каждым проведенным вместе с Олафом днем Римма чувствовала себя все свободнее: находившийся рядом с ней круглосуточно человек постепенно переставал быть таинственным незнакомцем. Все возникающие вопросы решались быстро и словно бы сами собой, видимо, оттого, что их взгляды на жизнь во многом совпали. Билет на паром для Риммы оплатил Олаф, но дальнейшие расходы они делили поровну. Каждый вечер он рекомендовал какой-нибудь ресторан на выбор из двух-трех и говорил при этом примерно следующее: здесь средний чек такой-то, и ресторан известен своими рыбными блюдами, здесь хороший вид на залив и ужин будет стоить столько-то, а здесь я люблю бывать в ветреный день и смотреть на закат. Выбор Олаф оставлял за Риммой. Ее это не напрягало, наоборот, она чувствовала себя увереннее, так как была не нахлебницей, а равноправным партнером.

Были и странности, но совсем пустяковые. Когда Римма попросила сводить ее в Национальный музей изобразительных искусств, Олаф посмотрел на нее с замешательством. А потом отказал: этого не было у них в планах. Ведь они обсуждали, что в Стокгольме сходят только на фотовыставку и в этнографический парк-музей Скансен, куда со всей Швеции свезли старинные деревянные дома и даже целые улицы. Еще в плане стоял музей корабля «Васа», затонувшего в стокгольмском заливе чуть не сразу после постройки и поднятого оттуда в середине XX века. Эти музеи – визитные карточки Стокгольма, как Эрмитаж и Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге... Он готов был и дальше объяснять что-то в духе туристических справочников, но Римма расхохоталась: внезапная растерянность придала его мужественному лицу какое-то испуганно-детское выражение. Обняв Олафа за шею, она взъерошила ему волосы и беспечно махнула рукой: Скансен так Скансен. Какое, в самом деле, это имеет значение?

Еще на пароме они стали близки. Секс с ним не имел ничего общего с неловкими и большей частью крайне неудачными студенческими опытами: Олаф оказался

заботливым и внимательным любовником, он чутко прислушивался к ее реакциям, постоянно спрашивал об ощущениях и несколько раз поинтересовался, есть ли у нее какие-то особые предпочтения, о которых ему стоит узнать. В ответ Римма беспокойно ерзала, глубже закапываясь в подушки и одеяла роскошной кровати: она пока что не чувствовала себя готовой к обсуждению столь интимных вопросов. В ее понимании слова «наш первый раз» и «особые предпочтения» не очень-то вязались друг с другом, да и никаких таких из ряда вон выходящих предпочтений у нее не имелось, – но почему-то в этом неловко было признаться, словно в чем-то постыдном. Олаф терпеливо нависал, ожидая ответа. Пришлось раскашляться и попросить воды, потом ей что-то попало в глаз, и в итоге щекотливая тема была закрыта.

Время пролетело стремительно. За две недели, проведенные в обществе Олафа, Римма твердо укрепилась в своей симпатии к нему и поняла, что хочет развивать отношения дальше. Она пригласила Олафа приехать в Москву в конце лета, он просиял улыбкой, но ответил уклончиво: мол, пока не уверен, будет ли у него возможность взять отпуск. Римма и не подумала обижаться: работа – это всегда работа, и предложила встретиться, когда он сможет.

Обратно в Москву она должна была лететь самолетом. Проводить ее в аэропорт Олаф не смог – его срочно вызвали на завод. Утром они нежно простились, он уехал, а Римма осталась в его доме одна – ждать вызванное такси. Пока ждала, забрела к нему в кабинет, увидела на столе заполненный от руки ежедневник и не смогла удержаться от соблазна заглянуть в него. Пролистав страницы, Римма узнала, что в этом году она у Олафа вторая кандидатура на рассмотрение. И будут еще две: в августе, когда он «не сможет» приехать в Москву, и в октябре. Рождественская неделя была обведена розовым маркером и снабжена подписью на шведском, которую Римма без труда перевела через «Гугл»: «Рождество в Париже с... Бюджет – 3000 евро пополам (заказать кольцо у Картье в “черную пятницу”»)». Место имени будущей счастливой избранницы пока что занимал предусмотрительно широкий пропуск.

Это был удар в самое сердце, оскорбивший Римму в лучших чувствах и обидевший до глубины души. Увлечшись Олафом, она сама даже подумать не могла о том, что можно параллельно рассматривать каких-то других кандидатов. Как оказалось, так ведут себя не все. Только вернувшись домой и немного успокоившись, Римма еще раз прокрутила в голове всю поездку, потом заглянула в свой профиль на сайте брачного агентства и поняла, что Олаф педантично продемонстрировал ей все то, что она сама указала в качестве

предпочтений: будущий муж должен увлекаться фотографией, жить в приличном тихом месте, иметь свой обустроенный дом, заниматься спортом и пр. Она ничего не написала про интерес к изобразительным искусствам – вот он и не захотел тратить время в Стокгольме на «незапланированную ерунду». Он был с ней честен – в меру того, как сам это понимал.

Осознание мало помогло, в Москву Римма вернулась с разбитым сердцем. Мама старательно утешала ее, но дочь чувствовала, что втайне Людмила Сергеевна довольна тем, что очередной раз оказалась права в своем недоверии к скандинавам. Вот если бы женихом был итальянец... Кстати, в отсутствие Риммы из агентства прислали еще несколько анкет, и там как раз... Но тут, наверное, впервые в жизни, Римма отважилась пойти маме наперекор и не только заблокировала Олафа во всех мессенджерах и соцсетях, но и удалила свои данные с сайта брачного агентства и дала себе зарок больше никогда не пытаться прикупить себе жениха с помощью «профессионалов». Римма всё так же ни минуты не сомневалась в том, что счастье ждет ее где-то за границами «шестой части Земли», но решила, что отныне будет устраивать свою судьбу только собственными руками.

С тех пор вот уже четвертый год, Риммино сердце, как пишут в дамских романах, было свободно (хотя саму ее это выражение просто бесило, и, услышав его, Римма всегда цитировала известную телеведущую, заявляющую, что ее сердце – не туалетная кабинка). Она терпеливо ждала своего счастья, хотя с каждым годом это ожидание давалось все труднее. Но что поделаешь, если в России практически невозможно встретить мужчину, который может тебя по-настоящему заинтересовать? Во всяком случае, так было до недавнего времени. Неужели ситуация начинает меняться? С каждой минутой Римма все сильнее ощущала, что ее интерес к Матвею начинает выходить за рамки обычного любопытства, и не понимала, радоваться этому или огорчаться. А что если ее чувство не найдет ответного отклика? Всякое же может быть...

Глава 3

Необыкновенный концерт и спорт королей

Всю неделю Римма то с улыбкой, то с досадой наблюдала, как офисные девицы атакуют Матвея. Их часть общего зала внезапно стала весьма оживленной, не проходило и десяти минут, чтобы кто-нибудь не продефилировал мимо, соблазнительно покачивая бедрами и бросая томные взгляды за стеклянную перегородку. Сама Римма была выше чего-то подобного, она и пальцем не пошевелила, чтобы привлечь к себе его внимание. И если их взгляды через стекло и встречались, то лишь оттого, что ей некуда было деваться – ведь ее рабочее место не кочевало по офису вслед за прихотью своего владельца. Волей-неволей она иногда поднимала глаза от работы и с любопытством поглядывала, как эта экзотическая золотая рыбка деловито снует в недрах своего аквариума. У Матвея имелась привычка, говоря по телефону, встать, подойти к стеклу и развернуться прямо в сторону Риммы, но она не обманывалась этим, прекрасно понимая, что хоть и смотрел на нее в упор, но на самом деле даже не видел, будучи целиком погруженным в переговоры.

Впрочем, одним только сидением в «аквариуме», Матвей, разумеется, не ограничивался. Он часто выбирался наружу, заходил к руководству, наблюдал, как идет ремонт в его собственном кабинете, или пил кофе в комнате отдыха. Сталкиваясь там и тут с коллегами, не проходил высокомерно мимо, а мило болтал и обменивался шутками, чем окончательно покориł и так равнодушные к нему женские сердца всей фирмы. И видя, как он приветлив со всей прекрасной половиной офиса, Римма и подумать не могла, что он выделит из всех какую-то одну из них. И уж точно не смела надеяться, что этой счастливицей станет она.

Тем неожиданнее показалось случившееся в пятницу, когда Матвей в середине рабочего дня поднялся с места и вышел из «аквариума», но вместо того, чтобы удалиться куда-то, вдруг приблизился к ее столу и запросто, как будто делал это уже не первый раз, проговорил:

– Привет! Как насчет того, чтобы вечером выпить по коктейлю где-нибудь неподалеку? Хочу отметить окончание первой совместной рабочей недели.

С удовольствием чувствуя спиной покалывание завистливых взглядов, Римма светски улыбнулась в ответ и точно так же как ни в чем не бывало приняла неожиданное приглашение.

Договорились встретиться после работы в нижнем вестибюле соседней башни, которую из-за сложной закрученной формы все называли Сверлом, хотя

официально она именовалась совсем иначе. Скоростной лифт поднял их на один из последних этажей, где находился недавно открывшийся, но уже успевший стать модным бар. Здесь было уютно: приятный полумрак, оформление в сдержанных тонах, приглушенная музыка и удобные мягкие кресла вокруг низких массивных столиков. Заказав два безалкогольных мохито, Матвей отключил звук на телефоне и положил его экраном вниз, и Римме это польстило – ведь это был знак, что он собирается уделять время только ей, не отвлекаясь ни на что другое. Держась расслабленно и непринужденно, ее спутник рассказал пару коротких историй из недавней поездки по Штатам, процитировал забавный диалог, услышанный на совещании в кабинете отца, о чем-то спросил, дружески улыбаясь, и внимательно выслушал ответ, – и вот они уже оживленно болтали, легко переходя с темы на тему.

Довольно быстро Римма поняла, что Матвея, в основном, интересуют «соотношение сил» в офисе и неофициальные сведения о сотрудниках. Не слухи и сплетни – конечно же, нет, как можно такое подумать! – а некоторые особенности, привычки, черты характеров, знание которых могло бы помочь ему в дальнейшей работе. Он честно признался, что еще не определился, чем именно ему стоит заняться в компании. Отец предоставил карт-бланш: финансы, аналитика, закупки, продажи, логистика, к тому же любой регион на выбор.

Римма слушала его молча – вряд ли она, простая служащая экономического отдела, могла дать какой-то ценный совет (впрочем, Матвей его и не спрашивал) или хотя бы поддержать этот разговор. Поэтому она только кивала и смотрела на опустевший бокал от коктейля, наполненный листьями мяты. Ужасно хотелось выудить со дна кубик льда и разгрызть. В другой компании она именно так бы и поступила, но удивлять Матвея подобными выходками явно не стоило – даже несмотря на то что, она, похоже, окончательно разобралась, почему ее сюда позвали. Конечно, дело совсем не в том, что она понравилась сыну шефа – вообразить такое было слишком самонадеянно с ее стороны, чтобы не сказать глупо. Нет, разумеется, просто Матвей хочет побольше узнать о своей новой работе, вот и обратился за информацией к первой сотруднице, попавшейся на глаза, – причем как в прямом, так и в переносном смысле.

– Повторите, пожалуйста, – обратился Матвей к официанту.

Тот кивнул, собрал на поднос пустые бокалы, и Римма быстро поправила:

– Мне, пожалуйста, содовую со льдом и «Космополитен». Только лимон не кладите.

– О, вот как? – Матвей посмотрел на нее с насмешливым удивлением. – В таком случае – приношу свои извинения за самоуправство.

– Ничего страшного, – ответила Римма. – Мохито я тоже люблю.

– А мне тогда скотч, – притормозил собравшегося уходить официанта Матвей.

– Тоник? Кола? – принялся уточнять тот.

– Не надо, – Матвей помотал головой.

Слегка удивившись, Римма бросила на него быстрый взгляд.

– Ты разве не за рулем? – поинтересовалась она. Они уже были «на ты» с первых минут встречи в баре.

– Нет, конечно, – ответил Матвей, вальяжно откидываясь на спинку кресла. – Меня возит шофер. Если хочешь, могу тебя подвезти. Или будем кататься всю ночь до рассвета... – и, первым не выдержав взятого невыносимо-развязного тона, коротким смешком выдал себя: – Что, попалась? До чего же, оказывается, тебя легко смутить!

Римма выдохнула с облегчением и улыбнулась в ответ. А она уж было подумала...

– И вовсе я не смутилась, – возразила она.

– Рассказывай!

– Вот и нет.

– Ну да, конечно. А то я не видел...

Официант принес новый заказ. Римма с удовольствием сделала пару глотков ледяной газировки и, глядя, как Матвей крутит в ладонях хрустальный олд-фешен с янтарно-коричневой жидкостью, едва прикрывавшей толстенное дно, внезапно проговорила:

– Тебе больше пошло бы что-нибудь с кюрасао. Хотя... это не для мужчин. Тогда с Bombay Sapphire.

– Ого! – Матвей вскинул брови. – Я могу воспринять это как комплимент?

Римма неопределенно улыбнулась – мол, понимай, как хочешь.

– Приятно, когда тебе делают комплименты на первом же свидании, – шутливо продолжал он.

– А у нас разве свидание? – в тон ему осведомилась Римма.

– А почему бы и нет? – продолжил игру Матвей. – Вечер пятницы, мы сидим в баре, ведем интересные разговоры...

– Да уж, очень интересные! – воскликнула Римма. – По пятницам в барах я просто обожаю беседовать о планах на второй квартал и перспективах развития региональных филиалов компании твоего отца.

Оба снова расхохотались и отсалютовали друг другу бокалами. Беседа потекла своим чередом. Скоро офисные темы полностью сошли на нет, и они просто непринужденно болтали. К концу вечера Римма совершенно освоилась и только всей душой жалела, что эта их первая неформальная встреча наверняка окажется и последней. Завтра или через день Матвей точно так же пригласит в бар какую-то другую девушку из офиса и будет так же шутить с ней, называя их разговор о делах фирмы свиданием.

В понедельник Римма обнаружила, что малая переговорная опустела. За прошедшие дни кабинет Матвея был переделан, так что его хозяин переселился в другую часть этажа. Весь день они не виделись, и Римма уже начала уговаривать себя навсегда забыть о пятничной встрече, как вдруг вечером, выйдя в интернет, обнаружила, что Матвей нашел ее в соцсетях, попросился в

друзья и наставил лайков ко всем фотографиям, а к некоторым написал забавные, но милые комментарии. Подобный факт никак не вписывался в нарисованную Риммой картину, но тем он казался приятнее. Жаль только, что обсудить это было не с кем, кроме разве что Плаксика. Коллегам Римма твердо решила ничего не говорить, даже лучшей подруге Ульяне. Все равно ничего хорошего от Ульки не услышишь, разве что опять начнет сравнивать хозяйского сына с каким-нибудь обитателем зоопарка.

Добавив Матвея в друзья, Римма решила не отставать и тоже принялась комментировать его посты, стараясь придумать что-то поостроумнее. Завязалась оживленная переписка, продолжавшаяся всю неделю, даже несмотря на то, что в рабочее время они почти не виделись. А в четверг после обеда Матвей неожиданно позвонил ей по интеркому и сообщил, что завтра после работы они идут на концерт. Римма опешила от такой новости, но Матвей, не дав ей опомниться, заявил, что отказа не примет: концерт благотворительный, их фирма выступает одним из спонсоров, отец отправляет его быть официальным представителем. Собранные средства пойдут в фонд помощи детям, больным спинально-мышечной атрофией. Среди выступающих какой-то очень известный исполнитель, в нем как раз будет вся фишка. Какой-то еврей, в Москве он бывает буквально раз в десять лет, если не реже, как его, Кацман, кажется, или что-то типа того. Имя исполнителя Матвей точно не помнил – ассистент говорил ему, но он забыл.

После того как заручившийся ее согласием Матвей отключился, Римма несколько минут просидела в замешательстве, исподтишка поглядывая на коллег и гадая, поняли те, с кем она сейчас говорила, или нет. Потом посмотрела в интернете, кто из знаменитостей выступает завтра в Москве – и глазам своим не поверила. Небрежно обозванный «каким-то Кацманом» исполнитель на деле оказался всемирно известным немецким оперным тенором, который в России за всю свою головокружительную карьеру был всего раз или два, так как программа его выступлений расписана на годы вперед. Мама его просто обожала, называла голос божественным, а манеру исполнения искренне считала каноном для итальянских классических арий. О том, чтобы когда-нибудь услышать своего кумира вживую, Людмила Сергеевна и мечтать не смела. Так что идти на концерт нужно было хотя бы ради уважения к ее памяти, не говоря уже про благотворительность и личность пригласившего.

Всю ночь Римма не спала, напряженно размышляя о завтрашнем дне и обдумывая кучу важных вопросов: как одеться, что отвечать на вопросы коллег,

в честь чего она такая нарядная, как суметь привести себя в порядок после рабочего дня. В итоге она все-таки нашла оптимальное решение: отпросилась у начальницы со второй половины дня и, рванув домой вместо того, чтобы пойти с Улей на обед, успела и переодеться, и сделать макияж, и красиво уложить волосы. Правда, шапки нарядная прическа не потерпела бы, но Римма понадеялась, что не успеет замерзнуть, так как на улице оттепель, а идти недалеко, больше ехать в метро, где тепло. Мелькнула мысль взять такси, но от нее пришлось отказаться, слишком велик был риск попасть в пробку и опоздать.

Выйдя из метро, в первое мгновение Римма чуть не задохнулась от резкого порыва ветра, бросившего ей в лицо заряд колючего снега. Похоже, снегопад в центре только начался, но газоны уже полностью побелели, а на тротуарах мгновенно образовалась слякоть, которую еще не успели убрать. Римма поморщилась – она ненавидела такую погоду, как, впрочем, не любила и морозов. Но куда не денешься, это Россия... Конечно же, мама была права, и Римме действительно лучше будет жить в теплом климате, где-нибудь на юге Италии – но до этого пока еще далеко. Пришлось спешно замотать голову палантином, чтобы уберечь прическу. Не хватало еще предстать перед Матвеем мокрой курицей!

У парковки рядом с концертным залом выстроилась целая очередь из сердито сигнализирующих автомобилей представительского класса. Особо нетерпеливые гости распахивали двери своих «Роллс-Ройсов» и «Мазерати» и прямо в модельных туфлях шагали в мокрую снежную кашу. Римма заозиралась по сторонам в поисках своего спутника, но Матвей отыскал ее сам, подошел, крепко взял за локоть и, оберегая от толкотни, аккуратно довел до дверей. Охранник просканировал пригласительный код с экрана его смартфона, и их пропустили внутрь.

Избавившись от пальто, Римма придирчиво оглядела себя в зеркале и успокоилась: прическа совершенно не пострадала. Они миновали вестибюль и прошли дальше, в большое фойе. Римма с волнением и любопытством смотрела по сторонам. Все было точно как в кино: безупречные смокинги, голые плечи и спины, шлейфы модных ароматов и отточенный негромкий рокот small talk. В этой великосветской атмосфере Матвей чувствовал себя как рыба в воде и вел свою спутницу, ловко продвигаясь между гостями и то и дело здороваясь со знакомыми.

До этого дня Римма никогда еще не бывала в «высшем обществе» и слегка оробела от блеска драгоценностей, роскоши нарядов и вида холеных лиц, легко узнававшихся благодаря средствам массовой информации. Как обычно в трудную минуту, она вспомнила о маме, подумала, как та сейчас гордилась бы своей девочкой и радовалась бы за нее – и это сразу придало сил. Приняв из рук Матвея высокий узкий бокал, Римма пригубила шампанского и благодарно улыбнулась своему спутнику.

– И как тебе здесь? – небрежно поинтересовался он.

– Очень круто! – честно призналась она. – Сфотографируешь меня, ладно?

– Конечно, не вопрос! – заверил Матвей.

Снимки на фоне press wall вышли довольно удачными, но Римма решила, что выкладывать их в соцсети пока не будет, а то вопросов не оберешься. Пусть то, что она побывала на подобном мероприятии, да еще в обществе Матвея, останется ее маленькой тайной. Сам концерт, в котором участвовали одни только звездные исполнители, тоже произвел неизгладимое впечатление, даже несмотря на то, что Римма никак не относилась к поклонникам классической музыки. К огромному разочарованию публики, знаменитый тенор пробыл на сцене всего с четверть часа, исполнив только три арии, зато среди них оказалась любимая Риммой *Nessun Dorma* из «Турандот». Пока она, затаив дыхание, слушала и во все глаза разглядывала маэстро, внешне скорее походившего на итальянца, чем на уроженца Германии, Матвей благовоспитанно скучал, время от времени бросая на свою спутницу внимательные изучающие взгляды.

На аукцион для сбора средств, объявленный после концерта, они не остались. Матвей, явно переоценивший свою склонность к классической музыке и благотворительности, заявил, что на сегодня сыт по горло и той и другой, а все необходимые формальности за него выполнит ассистент.

Римма не возражала, она тоже была уже переполнена впечатлениями. Одеваясь в гардеробе, посмотрела в огромное окно: снегопад прекратился, земля укрылась пышной белой периной, небо очистилось, и на его синем бархате романтично сиял месяц. Матвей, уже одетый, стоял чуть поодаль, ожидая момента, чтобы подать ей пальто, и на мгновение она вообразила себя героиней

голливудского фильма. К крыльцу подъезжает кабриолет, и танцевавшая всю ночь напролет принцесса собирается после бала ехать домой, а ее благородный спутник нежно набрасывает на хрупкие плечи соболье манто и тихо шепчет в украшенное бриллиантовой сережкой изящное ушко:

– Ну что, к тебе или ко мне?

Волшебное видение оборвалось. Римма растерянно заморгала, глядя на отражение Матвея в зеркале. Она не ослышалась: тот же самый вопрос читался в его устремленном на нее взгляде.

– Извини, что ты сказал? – пролепетала Римма. У нее было такое чувство, будто она только что летала в облаках, а потом разом рухнула с седьмого неба на грешную землю и пребольно ушиблась при этом пятой точкой. Неужели он воспринимает ее как легкодоступную девицу, которую достаточно разок сводить куда-то, чтобы уложить в постель и наутро забыть?

Видимо, у нее было уж очень красноречивое выражение лица, потому что, глядя на нее, Матвей тут же рассмеялся:

– Опять повелась! До чего же все-таки над тобой легко подшутить.

Против собственной воли Римма расхохоталась вместе с ним. Конечно, она прекрасно знала, что в его шутке доля правды составила сто процентов, но надо было дать ему возможность выкрутиться и сохранить лицо. Глядя, как он улыбается, как сияют его невозможные синие глаза, она поняла, что совершенно не сердится. Однако от предложений «продолжить где-нибудь вечер» или отвезти ее домой на его машине Римма тоже отказалась и отправилась к себе на «Пионерскую» на такси. Может, конечно, Матвей все понял, и не будет напрашиваться «на кофе», но проверять не хотелось. Несмотря на то что он нравился ей, Римма не хотела нырять с головой в омут короткой интрижки. Тем более на работе, и уж дважды тем более – с сыном владельца. Было очевидно, что репутация плебоя закрепилась за Матвеем совсем не зря, но Римма не собиралась становиться одной из многих легких побед в длинном донжуанском списке. Она себя не на помойке нашла и определенно заслуживала бо?льшего – не зря же мама называла ее принцессой!

Римма не удивилась бы, если б после концерта Матвей просто прекратил общение с ней, заключив, что раз ему тут ничего не обломится, то нечего и стараться. Огорчилась бы – да, возможно, но не удивилась. Однако этого не произошло, и подобный поворот событий весьма польстил ее самолюбию. Матвей продолжал вести себя так, словно ничего не случилось. В офисе они по-прежнему почти не контактировали, но переписка в соцсетях и по мессенджерам продолжалась и становилась все более дружеской и игривой. Она часто затягивалась допоздна, когда, уже лежа в постели, Римма продолжала отвечать на сообщения. Засыпать с мыслью о Матвее было приятно. И так же приятно было с ней просыпаться, нашаривать в складках одеяла телефон и читать его милые утренние «Привет, красотка! Как дела? Снова не выспалась из-за меня?» Римма улыбалась и с нетерпением ждала конца недели. Что-то подсказывало ей, что ближе к выходным Матвей снова куда-то ее пригласит, – и предчувствия не обманули.

На этот раз местом, куда ее позвали, оказался турнир в клубе конного поло, который должен был состояться в ближайшую субботу. Переждав все ее ахи и охи по поводу экзотического увлечения, Матвей небрежно заметил, что еще во время своей самой первой поездки в Штаты, живя во Флориде, пристрастился к этому виду спорта. А когда вернулся в Россию, вступил в один из двух отчаянно конкурирующих между собой московских клубов. И вот на днях эти друзья-соперники проводят традиционный зимний турнир в Подмосковье.

Римма, конечно же, с удовольствием согласилась составить компанию, ей было любопытно взглянуть на королевский вид спорта. О конном поло она не знала решительно ничего, но это был хороший повод провести с Матвеем почти целый день, который к тому же, скорее всего, и расставит все точки над i. Римма заранее решила – она снова даст понять Матвею, что не собирается становиться его офисной любовницей, и если после этого он все равно не отступится, то... Впрочем, загадывать так далеко она не стала.

Вечером в пятницу, готовясь к завтрашней поездке, Римма посмотрела в интернете пару роликов с поло-турниров. Увиденное ее впечатлило. Ловкие всадники на ухоженных лошадях азартно лупили клюшками по ярко-красному мячу, порой опасно свесившись с седел едва ли не до земли. Неужели Матвей тоже так может? Смущало только одно: все игры, которые она посмотрела, проходили явно летом или весной – лошади носились по полю, покрытому ярко-зеленой травой. Может быть, зимнее конное поло – это такая типично русская забава, как окунание в прорубь на Крещение или гуляния и блины с икрой на

Масленицу?

В любом случае, ждать оставалось недолго, завтра она все увидит своими глазами. Надо не забыть зарядить фотоаппарат – могут получиться очень интересные кадры.

Римма долго не могла уснуть, все ворочалась и думала о завтрашнем дне, представляла, как будет себя вести и разговаривать с Матвеем, и умирала от любопытства, гадая, как поведет себя он. Интересно, как они проведут день и как вечер, как распрощаются, что он скажет... Конечно, она ни за что не останется с ним на ночь, это решено однозначно, но очень уж хочется знать, как он отреагирует, когда...

Встретиться утром договорились возле ее дома – Матвей пообещал заехать. Римма была готова заранее и, дождавшись звонка, быстро спустилась, чтобы не заставлять себя ждать – она знала, что мужчины терпеть этого не могут и хотела заработать еще один плюсик себе в карму. Выйдя из подъезда, сразу поняла, что с погодой им повезло: день выдался ясный, сухой и безветренный. Она прикрыла глаза ладонью от яркого солнца и принялась высматривать белый седан BMW, на котором ездил Матвей. Машины нигде не было видно, зато откуда-то сбоку внезапно раздался отрывистый свист. Римма обернулась и увидела Матвея. Тот стоял, небрежно привалившись к капоту новенького кабриолета «Феррари», яркого и блестящего, как малиновый леденец. Поза выглядела идеально отточенной, прямо по-голливудски: суперагент, в очередной раз спасший планету от гибели, ждет красотку-помощницу, чтобы умчаться с ней в финальные титры.

– Вау! Можно поздравить с покупкой? – проговорила Римма, на лету подхватывая игру и приближаясь к нему плавной походкой тигрицы. – Почему не сказал? А то мне недавно где-то дали на сдачу елочку-ароматизатор – принесла бы в подарок. На зеркало бы повесил – полезная вещь.

Матвей усмехнулся и распахнул перед ней низкую дверцу. Но Римма садиться внутрь не спешила: одобрительно кивая, медленно обошла машину со всех сторон – надо же дать ему насладиться триумфом сполна. Закончив осмотр, устроилась на бежевом кожаном сиденье и с чувством произнесла:

– Отличный выбор! Правда, без шуток. От всей души поздравляю.

– Вообще-то выбор еще не сделан, – невозмутимо откликнулся Матвей, вырывая из дворов на широкую улицу. – Эту малышку я пока взял на тест-драйв. Прокатимся, тогда и решу, брать себе или нет.

– Очень практично, – продолжила изощряться в остроумии Римма. – А то вдруг в ней укачивает. Или маркий салон. Кстати, ты крышу не хочешь на место вернуть? Все-таки наши зимы – не лучший сезон для кабриолетов.

– Не хочу, – ответил Матвей и нажал несколько кнопок на приборной панели. – В ней не холодно. Сейчас сама убедишься.

Действительно, откуда-то сзади мягко потек нагретый воздух, обнимая за шею и укутывая плечи, словно на них набросили теплый шарф. Солнце грело уже почти по-весеннему, и Римма, поправив шапку и надев солнечные очки, приготовилась наслаждаться поездкой.

Субботним утром на дорогах было почти свободно, и они лихо долетели до клуба, где проводился турнир. Римма снова ожидала увидеть нечто киношное – ну как же, элитный конный клуб! Но тем сильнее оказалось разочарование: вместо аккуратных гостевых домиков и просторных конюшен, эстетично упрятанных за живыми изгородями из стриженных елок и туй, взгляду открылся обычный сельский пейзаж в стиле «подмосковный колхоз»: вокруг в хаотичном порядке громоздились какие-то невнятные сараи, явно свидетели эпохи, когда никто в стране, кроме, может быть, некоторых членов политбюро, и слов-то таких не слыхал – «конное поло». Тут и там из грязноватых сугробов торчали ржавые прицепы и покосившиеся трактора, всюду виднелись глубокие рытвины и лужи-канавы, втоптанное в грязь сено и какие-то подозрительные кучи, присыпанные опилками и гнилой соломой. И конечно же, запах, который не спутаешь ни с каким! Что скотный двор, что конюшня в элитном клубе – навоз пахнет везде одинаково. Римма поморщилась. Вот тебе и спорт королей, вот тебе и красивые кадры! Наверняка на Западе все это, конечно, выглядит совсем по-другому. Но Россия есть Россия...

Впрочем, в итоге все оказалось не так уж и плохо. Выяснилось, что в клубе шла реконструкция, поэтому парковку для клиентов временно перенесли на служебную территорию, так что они, получается, зашли в него с черного хода, а с парадного все выглядело очень даже прилично. Матвей вручил Римме бинокль и показал, где находится зрительская трибуна, а сам отправился переодеваться к игре. Взяв себе кофе в автомате, Римма поднялась по деревянной лесенке на

самый верх, поближе к ветрозащитному тенту, и села на скамейку, оглядывая пустое заснеженное пространство поля. Игра должна была начаться через несколько минут, немногочисленные зрители – родственники и друзья игроков и просто желающие поглазеть на необычное зрелище – уже собрались на трибуне. Все тут смотрелось совсем не так пафосно, как в видеороликах из интернета: ни тебе музыки, ни развевающихся по ветру флагов. Определенно, благотворительный вечер-концерт поразил ее воображение куда больше. Правда, по дороге Матвей успел кое-что рассказать об игре и о своих одноклубниках. Люди тут подобрались явно небедные: одна лошадь для поло (по правилам их нужно было называть поло-пони) стоила несколько десятков тысяч евро, а для того, чтобы играть, требовалось иметь таких целых четыре. А живые лошади – это тебе не коллекция автомобилей, накрытых чехлами в неотапливаемом гараже, это куда более дорогое в уходе удовольствие. Лошадей нужно каждый день кормить, чистить, выгуливать, регулярно показывать ветеринару, чтобы в любое время владелец смог приехать и поиграть, если ему вдруг приспичит. По словам Матвея, некоторые игроки числились в клубе лишь номинально, наведываясь сюда раз или два за сезон, но это не снимало с них обязанностей по содержанию своего маленького табуна. Да еще и членские взносы нужно было платить. Римма с любопытством разглядывала людей, готовых выбрасывать такие деньжищи на одну из своих прихотей – а ведь наверняка таких прихотей у них было немало. Не меньший интерес для нее представляли и зрители, в основном, женщины и дети разного школьного возраста. Некоторые щеголяли роскошными нарядами, их шубы и брендовые пальто как-то особенно нелепо смотрелись на трибунах, на фоне унылого подмосковного пейзажа. Большинство, впрочем, было одето вполне по-человечески – но, как догадывалась Римма, все эти яркие куртки, парки и комбинезоны были куплены уж точно не на вещевом рынке.

Игра началась. Римма отыскивала взглядом Матвея, – он был в белом шлеме верхом на лошади цвета какао, сильно разбавленного молоком. Насколько он удачлив и хорош, как игрок, Римма не могла оценить, но выглядел Матвей молодцом, во всяком случае, смотреть, как уверенно он держится в седле, было приятно. Лишь один раз, увлекшись погоней, он едва не столкнулся с толстяком на угольно-черной лошади: тот резко дернул повод, чтобы затормозить, и что-то крикнул Матвею. Слов с такого расстояния было не разобрать, но, судя по искажившемуся лицу толстяка, это были явно не комплименты.

Последив за перемещениями игроков минут с десять, Римма окончательно соскучилась. Фотографировать тут оказалось совершенно нечего. Даже в бинокль видно было неважно: всадники почему-то постоянно теснились в самом

дальнем от трибун углу поля, да и ничего особенно интересного там не происходило.

Зато во время перерыва Матвей эффектно проехался мимо трибун, улыбнулся и помахал ей рукой в белой перчатке. Чувствуя себя Анной Карениной, приветствующей графа Вронского, Римма подбежала к ограждению первого ряда, радостно помахала ему в ответ и с удовольствием его сфотографировала. В этот момент под трибунами кто-то фыркнул, как показалось Римме – презрительно. Она перегнулась через перила, чтобы увидеть нахала, но им оказался всего лишь шоколадно-коричневый пони.

Римма едва успела сбегать за новым стаканчиком кофе, как перерыв закончился. Сменив пони, игроки продолжали охотиться за мячом, но было видно, что некоторые из них откровенно устали и просто ждут финального гонга. Матвей все так же резво гнал свою лошадь в атаку, но его команде это не помогло: они проиграли. Кое-как пережив награждение победителей и вновь встретившись с Риммой в ресторане клуба, он принялся в многословных подробностях объяснять, почему так случилось: лично он ни в чем не виноват. Он просто не привык играть на снегу. К тому же он патрон, и играть хорошо самому ему необязательно – за него это делают профи. А тот жирный тюфяк, что подрезал его во втором чаккере и потом сам же начал орать, так и вообще играть не умеет...

Римма слушала, сочувственно кивая, хотя не понимала и половины терминов. Она отлично видела, что настроение у Матвея окончательно испорчено. Как она ни старалась, разговор то и дело сам собой затухал. Что поделаешь – никто не любит проигрывать, и далеко не каждый умеет делать это достойно.

Быстро закончив с обедом, они засобирались домой. С партнерами по игре, которые встретились в холле, Матвей еще держал себя в руках, зато безобразно сорвался на конюхе, худощавом юноше родом откуда-то из Средней Азии, сунувшемся к нему с каким-то дурацким вопросом.

Последней каплей, испортившей день, стала новость, полученная Матвеем на парковке. Заметив «Феррари», на котором они приехали в клуб, он сделался мрачнее тучи и, выхватив телефон, принялся куда-то звонить, едва не протыкая пальцем стекло экрана от злости. На осторожные вопросы Риммы нехотя пояснил, что планировал увидеть здесь совсем другую машину – ее должны были перегнать к клубу за время игры, но почему-то не сделали этого. Наорав на

ни в чем не повинного беднягу парковщика, Матвей принялся с остервенением запихивать спортивную сумку в неглубокий багажник. Римма уже просто боялась к нему подходить и молча топталась поодаль. На них начали бросать удивленные взгляды другие гости и игроки, рассаживающиеся по машинам. Как назло, двое соперников, одним из которых был тот самый жирный тюфяк, дружески помахав остальным на прощанье, прошли вперед, по направлению к вертолетной площадке. Оказывается, у них были собственные вертолеты!

Такого Римма еще не видела. В принципе, вертолеты над Москвой не редкость – но чтобы они были у кого-то в личном пользовании, как машины или яхты... С простодушным восторгом она проводила глазами блестящие в закатном солнце стальные капсулы. Матвей, увидев выражение ее лица, выругался, ничуть не стесняясь ее присутствия.

Назад возвращались в молчании. Как назло, погода испортилась, вновь повалил снег, и пришлось-таки поднять верх у «Феррари». К дому Римма подъехала не на новенькой красной спортивной машине, а на комке грязи, закиданном раскисшим снегом по самую крышу. Матвей попрощался сквозь зубы и немедленно укатил. Римма только головой покачала, она-то всем сердцем надеялась, что они отлично проведут время вместе, и день, и вечер...

Но вышло совершенно не так.

Плаксик встретил ее вопросительным мяуканьем, как будто удивился, что хозяйка вернулась домой так рано.

– Да, милый, – с горечью сказала ему Римма, – я тоже думала, что сегодняшний вечер пройдет совершенно по-другому.

Она готова была разрыдаться, так ей было жалко. Жалко всего и всех – и несбывшихся мечтаний о сегодняшнем дне, и себя, и Матвея. До чего ж все-таки мужчины уязвимы! Сущие мелочи могут испортить им настроение – проигрыш спортивной команды, все эти навороченные автомобили, вертолеты и прочее соперничество. И чего он завелся из-за таких пустяков?

Впервые за время их знакомства Матвей не написал ей ни одного сообщения за вечер и даже не появился в соцсетях. Хотя Римма и прождала до глубокой ночи, утешая себя тем, что завтра воскресенье, утром не надо рано вставать, и можно

будет как следует выспаться.

Глава 4

Предложение, от которого невозможно отказаться

Но выспаться не удалось. За окнами было еще темно, когда Римму разбудил телефонный звонок. Звук шел из кухни, и сначала она попыталась его игнорировать – натянув на голову подушку, ждала в полусне, что тот вот-вот замолчит, и можно будет спать дальше. Мобильник действительно на мгновение умолк, но тут же вновь разразился пронзительной трелью.

– Плаксик, – жалобно обратилась Римма к своему питомцу, – ну кому это неймется в такую рань?

Кот, как и следовало ожидать, не сообщил в ответ никакой полезной информации, так что пришлось все-таки слезть с кровати и отправиться в кухню, на ходу мысленно ругая себя за привычку бросать телефон где попало. Удивительное дело – обычно она каждый вечер оставляла телефон под рукой, и с утра тот всегда молчал. Но стоило только однажды оставить мобильник где-то в другом месте, как тут же кто-то начал трезвонить ни свет ни заря.

Сотовый обнаружился на подоконнике между тостером и горшком с маминым алоэ, и, взглянув на экран, Римма сильно удивилась – звонила Ульяна. Это показалось очень странным. То есть сама-то Уля была ранней пташкой, и подняться в – тут Римма сверилась с кухонными часами в виде расписной тарелки – восемь утра в воскресенье для нее было в порядке вещей. Но прекрасно понимая, что остальные люди в выходные предпочитают выспаться, Ульяна никогда не будила никого ранними звонками.

Господи, только бы ничего не случилось...

Первые несколько секунд, слушая бессвязные вопли подруги «Всё, всё погребло!», «Столько труда!» и совсем уж загадочное «Просто в кашу расквасилось – мы ведь из папье-маше его сделали!», Римма вообще ничего не

могла понять. Однако постепенно суть трагедии прояснилась: оказалось, что ночью Ульяну залили соседи. Сама она дома не ночевала, сдав Вику родителям, была на тренинге в загородном санатории со своим просветленным ба?бой-бабо?й и специально вернулась пораньше, чтобы все успеть за единственный оставшийся выходной. Соседи, разумеется, дрыхли и не заметили, что ночью у них потек стояк холодной воды. Все выяснилось только утром, когда Ульяна открыла дверь и вступила в огромную лужу на полу собственной прихожей. В этом месте рассказа она вновь принялась всхлипывать в телефон и одновременно вопить, перечисляя все последствия: повреждены мебель, обои, паркет в Викиной комнате и в коридоре. В ванной так просто настоящий потоп. Она, Уля, уже чуть не час мечется по квартире, пытаясь спасти уцелевшее. Слава богу, с потолка больше не льет – видимо эти болваны обнаружили протечку и перекрыли у себя воду. Ничего, сейчас она до них доберется...

– Ты себе не представляешь: пол, стены в прихожей... дверь на антресоли просто боюсь открывать. А паркет у Викульки! Я же его специально старый, еще советский, оставила. Реставрировала. Не стала современное барахло клеёное покупать с непонятно какой экологией. Циклевщика наняла, потом маслом на три слоя сама покрывала, ползала на карачках. И обои... И потолок... Чтобы никто чужой в ее комнату со своей мутной энергетикой не лез. Мало ли, что за люди, – продолжала бессвязно бормотать в трубку Ульяна.

– Ну, ничего, Уль, – бормотала в ответ еще толком не проснувшаяся Римма. – Главное, что все живы-здоровы. А остальное можно исправить.

– Вот этого-то я и боюсь! – тотчас откликнулась подруга. – Я как представляю себе, что сейчас начнет не пойми кто бродить по квартире: коммунальщики, ремонтники, страховые агенты... Всех пускай, со всеми разговаривай. Соседи со своей раздолбайской аурой наверняка тоже с извинениями припрутся. А у меня же энергетически все сбалансировано идеально! Было... Сама знаешь, я кого попало в дом не вожу. Не хватало еще нацеплять чужого негатива. Мало мне своих проблем, что ли?!

– Это все поправимо.хлопотно, конечно, да и затратно, но ведь не тебе же платить, – Римма деликатно подавила зевок.

– Да! – встrepенулась Ульяна. – Они мне заплатят! За всё! В конце концов, юрист я или нет?!

Тут в трубке внезапно послышался какой-то раскатистый грохот и звон стекла. За ним последовали ругательства и новые причитания Ули.

– Представляешь, зеркало навернулось! Разбилось вдребезги! Саморезы вырвались из стены. Ужас! Это же семь лет несчастий жди теперь! Нет, ну за что мне такое?! – воскликнула Уля и зарыдала в голос.

Римма мгновенно очнулась и принялась так же бурно и бессвязно утешать подругу. Та пересыпала всхлипы проклятиями и немного успокоилась только тогда, когда Римма пообещала немедленно приехать и оказать поддержку на месте. Какую – неважно. Там будет видно.

Торопливо собираясь, Римма вспомнила о человеке, который всегда помогал ей решать ее собственные проблемы, – старом друге Егоре, – и тут же набрала его номер. Она рассудила так: поддержать Ульяну за руку будет, конечно, очень полезно, но куда полезней привезти с собой человека, понимающего в таких делах.

К счастью, Егор оказался не в командировке, и если он и был недоволен ранним звонком в выходной, то никак этого не показал. Спокойно выслушал просьбу, без колебаний согласился приехать, и уже через час с небольшим они встретились у подъезда Ульяниного дома – могучей «сталинки» на проспекте Мира. На звонок домофона никто не открыл. Римма только плечами пожала: наверное, проводка испортилась от воды. Она уже принялась доставать телефон, но тут из подъезда вышел кто-то из жильцов, и они просочились в открытую дверь.

Ульяна жила на шестом этаже. Еще поднимаясь в отреставрированной под старину кабине лифта, Римма с Егором услышали истошный собачий лай и крики – «Я вас всех засужу!». Шум доносился с седьмого этажа – Ульяна рвалась в квартиру верхних соседей. Непрерывно звоня в звонок и тряся дверную ручку, она одновременно ухитрялась колотить ногой в дверь. Рядом валялась какая-то деревянная крестовина на подставке, сплошь облепленная разноцветной бесформенной массой. Приглядевшись, Римма разглядела табличку на основании: «Веселый Арлекин. 1-е место». И ниже строчкой, мелкими буквами: «Вика Снегова, 6 лет». Тут Римма догадалась, что эта странная штука – это все, что осталось от клоуна, которого Уля с Викой сделали на новогодний конкурс в детском саду. Ульяна тогда только об этом и говорила, поскольку провозилась с клоуном почти неделю и страшно гордилась совместной с дочкой работой. Вика тоже принимала участие, насколько ей было по силам – целиком раскрасила

фигурку, наклеила пуговицы и блески. Фотография улыбающейся дочки с этим самым клоуном в одной руке и с почетной грамотой в другой украшала Ульянин рабочий стол. А теперь клоун погиб безвозвратно, и Римма могла только вздохнуть от сочувствия.

Увидев подкрепление, Ульяна сдула упавшую на лоб челку и ненадолго выпустила массивную дверную ручку.

– Не открывают. Вот твари, – вместо приветствия коротко сказала она и, привстав на цыпочки, попыталась заглянуть в дверной глазок: с таким же успехом можно было смотреть в шляпку любого из латунных гвоздей, во множестве украшавших старинную деревянную дверь.

– Уль, познакомься, это Егор. Я тебе рассказывала о нем, – напрягая связки, чтобы перекричать доносящийся из-за двери залихватистый собачий лай, представила Римма.

– Ага, отлично, – не оборачиваясь, бросила Ульяна и вновь принялась трезвонить в звонок. – Раз нас теперь трое – сделаем так...

– Предлагаю первым делом спуститься вниз и осмотреть повреждения, – решительно перебил ее Егор и поднял с кафельного пола останки погибшего клоуна. – И неплохо было бы заодно и позавтракать. Ты ведь тоже кофе не успела сварить? – он повернулся к Римме, выразительно указывая глазами на Улю: мол, как хочешь отдирай ее от этой двери и тащи вниз.

– Д-да, – запинаясь, торопливо согласилась та и обняла Ульяну за плечи. – Тут есть отличная кофейня неподалеку. Уль, пойдем, сделаем перерыв. Никуда они от нас не денутся.

Момент был удачный: заряд ярости себя исчерпал и, всхлипнув, обессиленная Ульяна дала себя увести. Пока она в собственной квартире варила кофе, наотрез отказавшись от покупной бурды в пластиковых стаканчиках, Римма с Егором осматривали повреждения. Римма – бегло, стараясь не слишком отдаляться от кухни, Егор – более обстоятельно.

На первый взгляд, последствия потопа выглядели страшновато. В прихожей повсюду валялась мокрая детская и взрослая обувь, к стене были наскоро

сметены осколки несчастного зеркала. Больше всего досталось ванной: потолок покрывали разводы, кое-где штукатурка отошла от основы, грозя вот-вот рухнуть вниз.

Кухня и комната самой Ули не пострадали. А вот паркета в Викиной комнате было действительно жаль: туда натекло столько мутно-белесой воды из коридора, что он весь, от двери до самого окна, пропитался ею насквозь и вздыбился, как шерсть Плаксика, когда кот бывал чем-то сильно недоволен.

Римма наскоро заказала какую-то выпечку из ближайшей кофейни, и девушки сели пить кофе. На предложение присоединиться к ним Егор только рукой махнул: позже, сейчас ему нужно закончить осмотр повреждений.

Прихлебывая кофе, Ульяна принялась вновь рассказывать о происшествии: как приехала, как обнаружила, как металась по разоренному дому. Римма горячо ей сочувствовала и от души костерила бестолочей соседей. Попутно выяснилось, что несколько лет назад Ульяна застраховала квартиру. Так что деньги для ремонта она получит довольно скоро, а потом уже страховая компания будет по суду выбивать свои убытки из верхних жильцов. Римма приятно удивилась такой практичности подруги: ей самой и в голову не приходило сделать что-то подобное.

В кухню вошел Егор. За то время, пока они разговаривали и пили кофе, он не только успел оценить разрушения, но и подняться наверх, чтобы поговорить с их виновниками. На удивление, те ему открыли, видимо, мужской голос, спокойный и вежливый, вызвал больше доверия, чем яростные вопли Ульяны. По его словам, соседи «страшно извинялись», вины своей не отрицали и всячески были готовы сотрудничать. Но с одним условием – через посредника в его лице.

– Еще бы! – зловеще усмехнулась Ульяна и полезла в шкафчик за третьей кофейной чашкой. – Они меня теперь надолго запомнят.

Подсев к столу, Егор на некоторое время углубился в свой телефон. Время от времени он задавал Ульяне короткие деловые вопросы: про метраж комнат, высоту потолков, дату постройки дома. От Риммы не ускользнуло, что Ульяна смотрит на ее друга детства со все возрастающим интересом. А когда Егор, закончив расчеты, вкратце изложил весьма толковый план по ликвидации возникших проблем, этот интерес сменился явной симпатией и чуть ли не

восхищением. К концу разговора Уля готова была чуть не в ладоши хлопать:

– Ну надо же! Вот уж не думала, что с ходу услышу столько дельного от совершенно незнакомого человека! – простодушно заявила она.

Егор немедленно вскочил, одернул свитер и беззвучно щелкнул воображаемыми каблуками:

– Разрешите представиться – Егор Смирнов, специалист по устранению форс-мажоров. Я тут не сам по себе, меня вот эта девушка привела, – он указал на Римму. – Мне кажется или с ней вы знакомы?

Все трое рассмеялись, и напряжение окончательно разрядилась. Допив кофе, Егор засобиравшись домой, выдав на прощание целый ворох ценных рекомендаций: что делать, с чего начать и куда обратиться. Уля ходила за ним по квартире, ничуть не беспокоясь о негативном воздействии чужой праны и кармы, и, как школьница, прилежно записывала все, что ей говорили. Еще Егор пообещал завтра в первой половине дня прислать различные варианты смет на восстановление квартиры, а к вечеру, если Ульяна не возражает, приехать со своим знакомым прорабом, чтобы еще раз на месте оценить будущий ремонт.

Уля была сражена наповал. Проводив Егора до дверей, вернулась на кухню с блестящими от восторга глазами.

– Нет, ну ты видела?! Какой офигенный мужик! Раз-раз, все четко и коротко, прямо как я люблю. Заметила? У него и рулетка с собой нашлась, и фонарик!

– Уля, он знал, куда едет, – улыбнулась в ответ Римма.

– Все равно! – не унималась та. – У твоего Егора очень позитивная энергетика. Уж я-то эти вещи сразу секу. А такой золотистой ауры я в Москве уже сто лет не встречала. У него прям на лице написано: «Я спокоен и уверен в своих силах!» – она помахала рукой в воздухе, выписывая воображаемый девиз.

– Я рада, что от нашего приезда вышло столько пользы, – Римма сделала последний глоток кофе и встала со стула. – Ну что, я тебе еще сегодня нужна? А то, может, я тоже поеду? Хотела сегодня в магазин заглянуть: распродажи

кончаются, а мне нужно кое-что из белья посмотреть...

– Конечно, нужна! – Уля даже возмутилась. – Я сейчас позвоню консьержке, чтобы прислали оператора швабры, и поеду с тобой!

Отказываться от компании подруги Римма, разумеется, не стала – и потому, что вдвоем веселее, и потому, что в торговый центр они отправились на машине Ульяны, что, конечно, было гораздо удобнее, чем на метро.

– Слушай, а что это тебе вдруг новое белье понадобилось? – с интересом спросила Уля, когда они миновали ВДНХ. – Появился повод?

– Ну что ты, какой повод! – чувствуя себя школьницей, которую поймали на контрольной за списыванием, Римма картинно задохнулась от возмущения. – Просто захотелось чего-то новенького, вот и все.

– Ну-ну, – недоверчиво покачала головой Уля, а у Риммы так и екнуло сердце – неужели подруга догадалась о них с Матвеем? А вдруг не она одна? Вдруг по офису уже поползли слухи? Такое вполне возможно, ведь ее многочисленные комментарии к его фоткам в соцсетях находятся в свободном доступе. Стоит, пожалуй, быть осторожнее, решила Римма и тут же одернула себя – может быть, осторожничать больше и не придется. Вдруг Матвей больше не позвонит и не напишет? Ведь она стала свидетельницей его поражения, а мужчины очень не любят, когда что-то или кто-то напоминает им о подобных вещах...

Остаток дня подруги провели вместе, обойдя весь торговый центр. Римма, правда, так ничего и не купила, ей почти ничего не понравилось, а то, на чем все-таки задержалось внимание, показалось неоправданно дорогим.

– Наверняка в Европе все это стоит в несколько раз дешевле! – поделилась она с подругой, на что Ульяна резонно заметила:

– Может и так, но до Европы сначала доехать надо. Или хотя бы по интернету заказать.

Сама Уля была вполне довольна шопингом – она разжилась пижамой из натурального черного шелка, приобрела несколько обновок для Вики и под

занавес надолго застряла в строительном гипермаркете у выставочных стендов с обоями, образцами декоративной штукатурки и коллекциями кафеля. Поняв, что это надолго, Римма, вконец утомленная вчерашним длинным и трудным днем, ранним подъемом и всей этой строительно-ремонтной кутерьмой, поспешила распрощаться с подругой. Девушки расстались, и Римма заказала такси до ближайшего к дому супермаркета, вовремя вспомнив, что в холодильнике ее ждут только кубики льда и банка копченых мидий, да и запасы кошачьего корма подходят к концу. В итоге Римма, нагруженная пакетами с едой для себя и для Плаксика, оказалась дома уже поздно вечером. Сил осталось только на то, чтобы заглянуть в телефон и обнаружить, что ничего важного она не пропустила. Матвей продолжал молчать. Рассеянно пролистав Ульянины сообщения – та уже начала слать фотографии с образцами дизайна будущего ремонта, – Римма огорченно вздохнула и отправилась спать. Выходные выдались очень уж нервными.

* * *

Утром в понедельник как ни в чем не бывало Матвей прислал Римме очередную забавную картинку, снабженную целой кучей жизнерадостных смайликов. Похоже, он считал, что ничего страшного не случилось: они же не поссорились, и Римме он не грубил, а то, что расстроился из-за проигрыша команды – так с кем не бывает. Римма обрадовалась и тоже решила больше не вспоминать эту злополучную загородную поездку.

Прошло несколько дней. На работе Ульяна беспрерывно трещала о грядущем ремонте. Она уже успела развить бурную деятельность: подготовила документы для страховой, встретила с присланным Егором прорабом, а заодно еще с парой других, которых нашла сама – для полной объективности картины, как она говорила. В итоге план, предложенный Егором, понравился ей больше всего, и теперь все свободное время она разглядывала в интернете фото стильных интерьеров, выбирала новый паркет и была занята по уши. Несмотря на собственные заверения о нехватке свободного времени, это состояние Ульяна обожала и просто не могла существовать иначе. Даже маленькая пауза между бесконечными увлечениями вызывала у нее приступы паники и желание загрузиться делами с удвоенной силой.

Попутно, якобы ненароком – строго в связи с ремонтом! – она расспрашивала Римму о Егоре. Оказывается, мужики тоже бывают способны на что-то толковое!

И потом, любой женщине, даже самой независимой, цельной и высокодуховной, иногда необходимо почувствовать, что рядом есть человек, на которого можно положиться. Она, Ульяна, конечно, никаких иллюзий не строит, тем более что Егор – близкий друг Риммы, и было бы совсем уж нелепо предполагать...

– Ой да ладно тебе! – засмеялась Римма, услышав такие слова. – Вот именно – друг. Не меньше, но и не больше. Мы дружим со школы, но только и всего. Никаких романтических отношений у нас нет и быть не может, так что уж о чем о чем, а об этом можешь не беспокоиться.

Говоря так, Римма нисколько не кривила душой – как мужчина Егор совершенно ее не привлекал. Конечно, она очень ценила его за ум, эрудицию, житейскую практичность, доброе сердце, готовность всегда прийти на помощь и еще целую кучу замечательных человеческих качеств. Но все эти несомненные достоинства были, если можно так выразиться, исключительно внутренними. Внешностью Егор ну уж никак похвастаться не мог. Лысеть он начал еще в двадцать с небольшим и ужасно этого стеснялся. Фигура его была весьма далека от спортивной, он еще в детстве был склонен к полноте, и с годами эта склонность только прогрессировала. Довершали образ нелепейшие очки, которые Егору абсолютно не шли. Сколько раз Римма говорила, что неплохо было бы подобрать что-нибудь посовременнее, но он лишь отмахивался: зачем? Ему и так хорошо. То есть, как несложно понять, Егор совсем не был героем Римминого романа. Что уж греха таить, ей нравились совсем другие мужчины. В первую очередь, разумеется, иностранцы-европейцы. А если уж, в крайнем случае, соотечественники, то гораздо более привлекательные внешне. Например, как сын одного из владельцев компании...

– Правда? – обрадованно воскликнула Ульяна, и глаза ее заблестели азартом. – То есть ты не станешь сердиться, если мы с Егором будем и дальше общаться? Исключительно по ремонту. Клянусь!

– Сердиться? Я? Обалдела?! – фыркнула Римма. – Да общайтесь на здоровье! И про ремонт, и про все, что захочешь. Хоть поженитесь – я буду за вас только рада.

* * *

Закончился январь – суматошное время на работе, когда аналитики подводили итоги прошедшего года и утрясали последние планы на наступивший. В феврале наступило небольшое затишье, и Римма могла позволить себе немного расслабиться. Не то чтобы она всей душой любила свою работу, но все-таки занималась ею не без удовольствия. Было приятно, прокорпев несколько дней над анализом данных, составить прогноз, а потом спустя пару-тройку кварталов убедиться, что он был точен. В такие минуты Римма гордилась собой: значит, она все правильно рассчитала, раз продажники, получив ее цифры, сумели выдать запланированный результат. Тут тебе и премия не за горами. А через какое-то время, глядишь, можно будет и о повышении поговорить. Она давно поняла, что в должностных обязанностях заместителя начальника отдела для нее нет никаких тайн и сложностей, так что при первом удобном случае надо будет проработать этот вопрос с руководством. Последнее время Римма много думала на эту тему, но сама прекрасно понимала, что таким образом всего лишь старалась отвлечь себя от мыслей о Матвее.

А тот вдруг стал сильно занят, порой не бывая в офисе по целым дням, и больше нигде ее не приглашал. Римма понимала, что это не слишком хороший знак – потеряв интерес к девушке, мужчины обычно как раз и «становятся очень заняты»... Несколько утешало то, что их переписка в соцсетях продолжалась, но все равно Римма никак не могла определиться с тем, как ей стоит вести себя с Матвеем. При других обстоятельствах, она, скорее всего, сама бы пригласила его куда-нибудь – слава богу, времена, когда принцесса должна была смиренно сидеть в своей башне и смотреть на потуги прекрасного принца завоевать ее сердце, остались в прошлом. Но в их ситуации с Матвеем все было слишком уж неоднозначно. Если она проявит инициативу, то он однозначно воспримет это исключительно как приглашение к сексу – а такой поворот событий Римму категорически не устраивал. Легкие отношения в духе «захотели – встретились, захотели – разбежались» никогда ее не привлекали, она всегда хотела чего-то более серьезного, чем мимолетный или пусть даже не очень краткий, но все равно ни к чему не обязывающий служебный роман. Римма не представляла, как после расставания можно продолжать работать вместе и вести себя так, будто ничего не случилось. Так что она решила пока ничего не предпринимать и просто подождать и посмотреть, как будут развиваться события дальше. Тем более что одно важное событие как раз было не за горами. Восемнадцатого февраля их компания праздновала годовщину основания фирмы, и по этому поводу каждый год устраивали корпоратив с традиционной программой: арендованный зал в клубе или ресторане, в начале вечера речи и поздравления, потом – легкий фуршет и танцы под какую-нибудь приглашенную группу. Хотя старожилы рассказывали, что в прежние, жирные годы праздники отмечали с

куда большим размахом. Какой там фуршет! На Новый год снимали загородный клуб целиком и проводили там по два-три дня, пока хватало сил и здоровья. Народ завозили автобусами – видимо, чтобы раньше положенного никто не сбежал. Застолье шло на широкую ногу и сильно смахивало на пиры, какими их представляли себе постановщики советских киносказок: бесконечные закуски, икра всех цветов и видов, три перемены горячего, утыканная перьями дичь на огромных подносах, а то и жареная баранья или свиная туша – ее торжественно выносили четыре официанта на увитых свежей зеленью носилках. На улице – шашлыки, ребрышки, овощи-гриль, в бассейне – тропический бар, дорогуший алкоголь лился бесконечной рекой. Самые стойкие, кто доживал до десерта, могли полакомиться чуть не полусотней сортов мороженого и экзотических фруктов, сервированных вокруг шоколадных фонтанов. Для развлечения приглашали целую толпу самых популярных певцов, артистов и стендап комиков, с которыми особо нагрузившиеся сотрудники наперебой лезли фотографироваться – «чтобы было потом что вспомнить». И все это под лихие танцы до упаду и множество отвязных конкурсов, о которых на следующее утро и вспоминать-то неловко.

Римма слушала эти легенды и мысленно содрогалась, представляя себе эту гастрономическую вакханалию и организованное веселье в виде хорового пения подвыпивших дам из бухгалтерии и отставных военных из службы безопасности. Правда, народу тогда в фирме работало больше, да и времена были совсем другие. А сейчас спасибо, что хоть вообще корпоративы проводят, и премии при этом не урезают: в некоторых фирмах бывает и так.

То, что современные годовщины фирмы проходили куда как скромнее, Римму более чем устраивало. Тем более что на празднике обязательно должен был появиться Матвей, – и потому она возлагала на этот день большие надежды. Готовясь к торжеству, Римма заранее придирчиво перетрясла весь свой гардероб, выбирая, что бы такое надеть. С одной стороны, это что-то должно было быть достаточно нарядным – праздник все-таки – и в то же время в этом нужно было и на работе восемь часов отсидеть. В итоге она остановила свой выбор на облегающем светло-бирюзовом платье без рукавов, выгодно подчеркивающим ее красивые формы. Днем голые руки и плечи должен был скрывать белый жакет, но вечером его планировалось снять и предстать во всей красе. Завершали будущий наряд светло-серые замшевые туфли на высоких устойчивых каблуках и гарнитур из серебристо-стального жемчуга – браслет и двойная нитка бус. Придирчиво оглядев выбранное, Римма осталась довольна: то, что нужно, нарядно и стильно.

В шесть вечера все собрались в банкетном зале одного из ресторанов в своей же башне. Отыскав глазами Матвея, Римма обнаружила его в компании босса Ульяны – начальника юридического отдела – и пары топ-менеджеров. Они о чем-то оживленно болтали, устроившись подальше от сцены, и, понаблюдав за ними с минуту, Римма поняла, что Матвей не торопится закругляться с беседой: он был явно увлечен и то и дело широко улыбался, слушая остальных. До чего же все-таки у него замечательная улыбка!.. Подойти к Римме он тоже явно не спешил, но она и не обижалась, считая, что так, возможно, даже лучше – не стоит делать это при всех.

Вечер шел своим чередом и складывался вполне удачно. Торжественная часть не затянулась слишком надолго, а во время неофициальной, благодаря хорошему ведущему, сразу воцарилась непринужденная обстановка. Выпив пару бокалов шампанского, слегка перекусив и посмеявшись с коллегами, Римма обнаружила, что в небольшом соседнем зале для желающих готовят кальяны, а в другом можно петь караоке. Взяв еще шампанского, она немного послушала, как директор по маркетингу старательно выводит в микрофон строки бессмертного кинороманса про мохнатого шмеля во хмелю, бросая при этом красноречивые взгляды в сторону сидящих рядом на диванчике девиц из отдела продаж. Пел он на удивление сносно, Римма даже заслушалась и не сразу заметила, что сзади к ней подошел Матвей, и обернулась только на голос:

– Сударыня, куда же вы запропали? Я так долго ждал этого момента. Позвольте вас пригласить.

Центральный свет в основном зале погас, начались танцы. Они вышли на танцпол и растворились среди многочисленных парочек. Римме вдруг стало так спокойно, так спокойно, так хорошо... Положив руку на плечо партнера, она ощутила легкое покалывание в кончиках пальцев, словно под кожей собрались пузырьки выпитого шампанского. Матвей уверенно вел ее в танце и не спешил заводить разговор, только время от времени, улыбаясь, смотрел прямо в глаза. Но Римме сейчас и не нужны были слова, ей казалось, что между ними течет неторопливая беседа. Без особого смысла – ни о чем, просто так.

Она прикрыла глаза и тоже заулыбалась собственным мыслям.

«Ну как ты?»

«Все хорошо».

«Ты не сердишься на меня?»

«Нет. С чего бы?»

«Я так рад, что ты не обиделась. Для меня это очень важно. Знаешь, Римма, я уже давно хотел тебе сказать...»

– Эй, ты в порядке? Ты слышишь меня? – голос Матвея прозвучал над самым ухом, и рука, лежавшая на ее талии, слегка напряглась.

Моргнув, Римма очнулась и растерянно взглянула на него.

– Прости, не расслышала. Что ты сказал?

– Я спросил – ты поедешь со мной?

– Куда?

– Как – куда? Ты не слушала меня, что ли?

– Ох, извини. Тут, кажется, слишком шумно... Ты куда-то собрался?

Усмехнувшись, Матвей повторил только что сказанное: на следующей неделе ему предстоит трехдневная поездка в Рим на переговоры с деловыми партнерами. Итальянского он не знает, так что понадобится переводчик. Не составит ли она ему компанию в этом качестве? Само собой, все расходы фирма возьмет на себя.

Римма слушала и не верила своим ушам. В первое мгновение она была просто оглушена: он приглашает ее с собой и не куда-нибудь, а в Рим! Вот это новость!.. Хотя...

– У тебя ведь есть «шенген»? – деловито уточнил Матвей.

Вся погруженная в разом взметнувшуюся в душе бурю эмоций, Римма только кивнула. По счастью, документы у нее были в полном порядке, загранпаспорт не просрочен, и шенгенская виза, полученная перед рождественской поездкой в Прагу, еще действовала.

– Тогда что скажешь? Ты ведь согласна? – продолжал настаивать Матвей.

– Это было бы просто чудесно! – с чувством воскликнула Римма. – Но... – тут она спохватилась, на мгновение запнулась и опустила глаза. – Мы должны кое-что прояснить.

– И что именно? – с улыбкой поинтересовался он.

– Я поеду только при одном условии, – проговорила Римма, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более твердо, – что это будет чисто деловая поездка. Я очень ценю твое приглашение и с радостью принимаю его, но, понимаешь, я еще не решила...

– То есть ты хочешь сказать, что на романтическую составляющую я не могу рассчитывать? – усмехнулся Матвей.

Решив, что кажется ему смешной, она ударилась в торопливые объяснения:

– Видишь ли... Я, наверное, покажусь тебе старомодной, этакой кисейной тургеневской барышней... Но для меня это слишком серьезно, понимаешь? Мне нужно время... Чтобы разобраться в своих чувствах и понять...

– Ясно, – спокойно откликнулся он. – Ну что ж... Я все понял. Раз так все серьезно, придется и мне быть серьезным. Ради тебя.

И чуть заметно сжал ее пальцы.

По спине, там, где лежала другая его рука, потекли тягучие теплые волны. Дыхание пресеклось, пол ухнул куда-то вниз, а вернувшись, все равно перестал быть надежной опорой мгновенно ослабевшим ногам. Римма была вынуждена тверже опереться на ладонь Матвея, поневоле возвращая рукопожатие.

Чертово шампанское! Вечно от него в самый неподходящий момент кружится голова... Или это от его слов «ради тебя»?

– Клянусь, буду паинькой. Честное слово. Это будет чисто деловая поездка, – смиренно прошептал Матвей и, пользуясь почти полной темнотой на танцполе, коснулся губами ее волос.

Она не отпрянула. Тогда он, чуть отстранившись и вновь взглянув ей в глаза, поцеловал ее по-настоящему.

Ее словно грозовым разрядом прошило. Шарахнуло от души, без всякого заземления. Мысленно послав к черту опасность быть застуканной, необходимость что-то решать и собственные благие намерения, Римма привстала на цыпочки и с чувством ответила на поцелуй.

А в голове переливчато заливались серебряные колокольчики: Рим! Рим! Она едет в Рим!

Они едут.

Значит, чисто деловая поездка. Значит, паинькой будет... Ну-ну. Интересно, на сколько ее саму хватит...

Глава 5

Увидеть Рим и...

Следующие несколько дней прошли в предотъездном угаре и беспорядочной суете. Римма то рылась в интернете в поисках толковых статей-путеводителей и прогнозов итальянской погоды на следующую неделю, то лихорадочно перебирала свой гардероб. Несмотря на февраль, в Вечном городе было уже довольно тепло, так что пуховик и зимние сапоги там явно не пригодятся, нужно было подобрать что-то более легкое. А еще срочно решить очень важный вопрос: куда пристроить кота. Связываться с гостиницами для животных не хотелось, да и времени на выбор оставалось всего ничего, поэтому Римма, немного

поколебавшись, позвонила Ульяне и осторожно завела разговор – не может ли та взять к себе Плаксика буквально на три дня. У подруги, конечно, ремонт, и куча своих дел, но Римма будет страшно признательна, если Уля сможет ее выручить.

Та без проблем согласилась, и вечером в воскресенье, накануне отъезда, Римма доставила на проспект Мира обалдевшего кота вместе с целой сумкой еды, лотком, большим пакетом наполнителя для туалета и блокнотом с инструкциями.

Ремонт и правда был в самом разгаре, и начала его Ульяна почему-то со своей спальни, хотя та совершенно не пострадала от потопа. Отправив Вику на время к своим родителям, она перебралась в ее разгромленную комнату, куда и принесли кота. Почувывая неладное Плаксик сидел, забившись вглубь переноски, и ни в какую не хотел вылезать. Не помогли ни призывные «кис-кис-кис», ни миска с кусками отварной куриной печени, ни любимая игрушка, предусмотрительно захваченная Риммой с собой.

– Ну, не хочет, так и не надо! Пусть там и сидит все три дня, – беспечно махнула рукой Уля, которой быстро надоело возиться с перепуганным котом.

– Как ты можешь! – возмутилась Римма. – Мы обязательно должны его выманить. Показать дом, объяснить, где он будет спать, где будет стоять его лоток...

– Ага, может, ему еще и ключи от квартиры выдать? – съязвила Ульяна. – Будет утром рабочим дверь открывать, а заодно и приглядывать за ними, пока я не приду. А вообще, очень кстати, что ты приволокла его мне именно сейчас. Если эта трусливая бестолочь подерет где-нибудь обои – не страшно. За три дня, пока тебя не будет, до поклейки новых все равно не дойдет.

– Плаксик не трусливая бестолочь, – обиделась Римма. – Он просто нервный и растерялся в незнакомой обстановке. Вот освоится – увидишь, какой он ласковый и послушный.

Оставив кота в покое, девушки перебрались на кухню. Несмотря на вечерний час, Ульяна взялась варить кофе. Сегодня ей вздумалось приготовить его на турецкий манер, в специальной электрической жаровне с песком, в который Уля погружала две небольшие медные джезвы и сосредоточенно возила их, выписывая причудливые, одной ей ведомые узоры. К смолотым в тонкую пудру

зернам щедро добавляла пряности, всякий раз разные – в зависимости от настроения, времени года, наличия или отсутствия Меркурия в Козероге и прочих жизненно важных моментов, – так что каждый сваренный напиток никогда не повторял предыдущий.

Наконец, все было готово. Разлив дымящуюся кофейную лаву по чашкам, Уля плюхнулась в кресло, подвернув под себя одну длинную и худую ногу, поддержала рукава безразмерного домашнего свитера и вдруг спросила, пристально глядя на Римму:

– А чего это тебя вдруг в Италию понесло? Вроде бы еще недавно ничего не предвещало...

– Ну, знаешь, жизнь такая странная штука, – отшутилась Римма, уже понимая, что от разговора по душам все равно не уйти, – вчера оно было так, а сегодня вдруг все поменялось...

– Давай уж колись, – не дала ей увильнуть от ответа Ульяна. – А то вдвоем в свою Италию поедете – ты и твой Плакса.

– Не Плакса, а Плаксик. Не перепутай, пожалуйста, а то он обидеться может, – машинально поправила Римма и, глубоко вдохнув, принялась сознаваться: – Вообще-то мы и так поедем вдвоем. Я и Матвей.

– Какой еще... – начала было Ульяна и, осекшись, вытаращилась на Римму. – Нет!

– Да.

– Нет, говорю! Быть не может!

– Это еще почему? – Римма поставила чашку на стол, поправила волосы и царственно приосанилась.

Округлившиеся глаза подруги, ее приоткрытый от удивления рот и бессвязные реплики «Ну, Сотникова, ты даешь! Вот отчебучила номер!» доставили кучу удовольствия. Римма уже и не помнила, когда последний раз чувствовала себя такой счастливой. Все эти дни она то и дело мысленно возвращалась на

вечеринку, снова и снова прокручивала в голове разговор с Матвеем и вспоминала как они танцевали, как он смотрел на нее, что сказал... И конечно же, поцелуй и его слова «ради тебя». Эта короткая фраза могла означать только одно – Матвей действительно заинтересован в ней. Раз он готов быть ради нее серьезным и «паинькой» – значит, хочет от их отношений чего-то более длительного и настоящего, чем просто ненапряжный офисный романчик. И удержаться, не поделившись такой новостью с лучшей подругой, было совершенно невозможно.

Чуть отдышавшись и переварив услышанное, Ульяна засыпала ее вопросами: как, что, когда, при каких обстоятельствах. А узнав, что все только начинается, и никакого романа, по сути, еще нет, картинно выдохнула и схватилась за сердце:

– Ничего себе... Так и умереть от шока недолго. Знаешь, скажу тебе откровенно, как другу: он, конечно, красавчик, каких поискать, и денег у него наверняка до хрена, и папа крутой бизнесмен, но вот как человек... как человек, Матвей мне не нравится.

– А ты что, хорошо его знаешь? – удивилась Римма.

– Нет, конечно, – хмыкнула, ничуть не смутившись, Ульяна. – Так, общались пару раз по делам. Просто аура у него... эээ... – она осмотрелась по сторонам. Взгляд упал на пустую джезву, на стенках которой засохла буро-коричневая пленка кофейной пены, и Уля энергично затыкала в нее пальцем. – Вот точь-в-точь такая!

– Ой, только не начинай, – поморщилась Римма.

– Все равно, – упрямо продолжила подруга. – У хорошего человека такой ауры быть не должно. Взять, к примеру, твоего Егора: совсем ведь другое дело!

– Егор не мой, и тебе отлично это известно, – возразила Римма. – И аура Матвея тут вовсе ни при чем. Поездка у нас будет чисто деловая. Сама можешь проверить: все расходы будут оформлены через бухгалтерию, у тебя же есть доступ к их файлам.

В ответ Ульяна скорчила выразительную гримаску: мол, знаем мы эти «деловые поездки» хозяйских сынков-плейбоев в европейские столицы.

Разговор скис. Римма, чтобы не провоцировать новый круг обсуждений цветов и конфигураций чужих аур, вскоре засобиравшись домой. Уже провожая ее и стоя на пороге квартиры, Ульяна вдруг вздохнула и покачала головой:

– Ох, Сотникова, не нравится мне эта твоя затея... Вот помяни мое слово – ни к чему хорошему она не приведет, я прям всей душой чувствую. Может, откажешься, пока не поздно?

Римма только рассмеялась в ответ. Сама она ни секунды не сомневалась в том, что все сложится с точностью до наоборот, и поездка выйдет чудесной. Внутри так и бурлила радость предвкушения, точно пузырьки пресловутого шампанского, выпитого на годовщине фирмы. А Ульяна, конечно же, ей просто завидует, только и всего.

– Да все нормально будет, чего ты? – заверила Римма, обняв на прощание подругу. – Я через три дня вернусь и сразу же, прямо из аэропорта, заеду за Плаксиком, хорошо?

Утро понедельника началось с еще одной приятной новости – финансовый отдел перевел на карту командировочные, и их оказалось неожиданно много. Прикидывая, что стоит привезти из поездки, Римма неторопливо собралась, проверила, не забыла ли чего-то важного, и выдвинулась в путь. Сначала на метро до Павелецкого вокзала, а оттуда в Домодедово на аэроэкспрессе – она предпочла именно этот вариант дороги в аэропорт, поскольку он исключал всякий риск попасть в пробку. Глядя через мутноватое стекло на особенно унылые в серых сумерках поздней зимы подмосковные пейзажи, Римма со счастливым предвкушением думала об Италии. Уж там-то точно всё будет совершенно по-другому! Ясное небо, теплое солнце, сочная молодая зелень, веселые, приветливые, улыбчивые люди... И рядом синеглазый спутник с неотразимой улыбкой и такой сексуальной родинкой на шее...

Матвей, разумеется, добирался в Домодедово на своем автомобиле, поэтому они договорились ровно в пять встретиться у стоек регистрации рейсов «Алиталии». Он запаздывал и, в конце концов, прислал эсэмэску, что из-за пробок задержится еще минут на десять-пятнадцать, но Римма не скучала в ожидании. Она любила аэропорты, любила их суету и непрерывный гул, складывающийся из тархтенья десятков чемоданных колесиков, объявлений по громкой связи, обрывков музыки и многоязыкой речи деловито сновавших туда-сюда

пассажиров. С тех пор как, благодаря Олафу, Римма открыла для себя возможность путешествовать (хоть за что-то можно было его поблагодарить!), она старалась выбираться куда-то как можно чаще, хотя бы раз в год, изучала разные страны, вот только до Италии так до сих пор и не добралась. Последняя поездка состоялась полтора месяца назад, в зимние каникулы, – они с Улей встретили новый, 2019 год в Праге, где им обоим очень понравилось. Европейский город, нарядно украшенный к празднику, со всеми своими огоньками в окнах, мощеными улочками, венками из остролиста на древних потемневших дверях, мостами над Влтавой и рождественским звоном колоколов, их просто обворожил, и подруги пришли к мнению, что с удовольствием перебрались бы жить в Прагу... если бы только там не было такого количества туристов.

То, что однажды она навсегда покинет мрачную, суетливую и бестолковую Россию и переедет в другую, куда более благополучную и уютную страну, Римма знала с самого детства. Эту идею внушила ей мама, уверенная в том, что ее маленькая принцесса заслуживает гораздо лучших условий, чем на их многострадальной родине с ее вечной непогодой, бардаком, хмурыми озлобленными людьми, бедностью и кучей неразрешимых проблем. Впервые побывав в Европе, Римма поразились контрасту: там, за границей, все было другое, все было как в сказке: уровень жизни, благоустроенность, комфорт, отношение властей к людям и людей между собой. Конечно же, она захотела обосноваться там – выйти замуж за хорошего обеспеченного человека, жить в настоящем доме, а не в крошечной малогабаритной квартирке с совмещенным санузлом, иметь возможность полноценно отдыхать и лечиться в нормальных больницах, а не в обшарпанных муниципальных поликлиниках, оказавшись в которых чувствуешь, что словно перенесся на машине времени в прежние, «совковые» годы. Римме хотелось, чтобы ее дети получили достойное образование, а старость не пугала бы обреченностью и нищетой, а стала бы покойной, благополучной и насыщенной, с путешествиями по миру и прочими многочисленными возможностями, о которых российские пенсионеры не смеют и мечтать. И она не сомневалась – конечно же, ее жизнь обязательно сложится именно так и только так. Надо лишь немного подождать.

Мысль, что уже этим вечером она снова окажется за несколько сотен километров от холодной и пасмурной Москвы, да еще и в такой чудесной компании, невероятно грела душу. Полная радостного предвкушения, Римма занялась любимым делом: стала фотографировать аэропорт и не смогла отказать себе в маленьком удовольствии – сделала селфи на фоне багажной стойки и выстроившейся к ней очереди. И тут же выложила самый удачный

снимок с интригующей подписью на своей странице в соцсети – пусть девчонки завидуют!

Наконец появился запыхавшийся Матвей, пробормотал извинения и, подхватив ее чемодан рукой, свободной от собственного, устремился к пустующей стойке бизнес-класса. Римма хоть и предполагала, что именно так оно и будет, все равно обрадовалась – она еще никогда не летала бизнес-классом и, честно сказать, даже не думала, что такое может произойти в ближайшее время.

Когда они избавились от багажа, получили посадочные ваучеры и благополучно прошли паспортный контроль, выяснилось, что ждать рейса предстоит не в общем зале, а в лаунж-зоне для VIP-пассажиров. Это тоже произвело впечатление на Римму, ей страшно хотелось облазить тут все углы и все рассмотреть, но она побоялась показаться смешной и приняла такой независимый вид, будто не видит в происходящем ровным счетом ничего ни особенного, ни нового для себя.

Чтобы скоротать оставшееся до вылета время, они засели в баре и заказали по коктейлю. Матвей сегодня явно был в ударе, он мило шутил и рассказывал всякие забавные случаи из собственных путешествий. Чикаго, Майами, Лос-Анджелес, Токио, Лондон, Париж – один только список небрежно упоминаемых названий городов вызвал у Риммы неподдельное восхищение. Похоже, он успел объехать полмира. Вот повезло человеку!

Они до того заболтались, что пропустили первое объявление о посадке. Как назло, нужный выход оказался в дальней части зоны отлета, и пришлось туда чуть ли не бегом бежать. Пассажиров бизнес-класса уже пропустили в самолет, и Римма с Матвеем оказались вынуждены, как простые смертные, пристроиться в хвост длинной очереди. Ей было решительно все равно, поскольку привычно, а вот Матвея, похоже, это напрягло, он нахмурился и на пару минут замолчал. Римма испугалась, что сейчас повторится нечто подобное тому, что произошло в поло-клубе, но, к счастью, обошлось: очередь двигалась быстро, и через пять минут они уже обустроивались в обтянутых светлой кожей креслах. Пока Римма с любопытством оглядывалась, отмечая непривычно широкие проходы между рядами и сложное устройство сидений, которые можно было даже разложить, как кровать, Матвей рассказывал, что комфортабельность бизнес-класса зависит от авиакомпании – в некоторых есть даже закрывающиеся каюты, внутри которых регулируется температура и освещение, и просторные душевые с возможностью спа-процедур. Римма восхищенно ахала, изучала содержимое

изящного дорожного несессера – маленького комплимента от авиакомпании – и снова фотографировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/rimskie-kanikuly>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)